

Александр ДОМОВЕЦ АД БЛИЖЕ, ЧЕМ ДУМАЮТ

18+

@ЭЛИТА

Александр Домовец
Ад ближе, чем думают

Электронное издательство "Аэлита"

2016

Домовец А.

Ад ближе, чем думают / А. Домовец — Электронное издательство "Аэлита", 2016

События романа происходят в России и Англии начала XXI века. Однако реальность этого мира альтернативна существующей. На планете доминирует союз России и Франции. Два века назад страны объединили усилия, чтобы поставить на колени вероломную Британию. Но Англия не смирилась. Туманный Альбион, проиграв развязанные им же две европейских и две мировых войны, вновь пытается вернуть былое величие. ...В деревне Эйвбери трагически гибнет российский офицер Сергей Добромыслов. Деревня окружена огромными древними мегалитами. Эта земля с незапамятных времён окутана чёрной мистикой. Как очутился здесь Добромыслов? Чем занято историческое общество «Наследие прошлого, расположенное в Эйвбери? Кто правит чёрный шабаш в деревне?.. Шаг за шагом герои идут к пониманию страшных чудес Эйвбери. Ответ они находят в ритуальной гробнице Вест-Кеннет, близ которой было обнаружено тело Добромыслова. Там, с его помощью, ценой тяжких испытаний, герои предотвращают угрозу франко-российскому союзу и миропорядку в целом. Но когда, казалось бы, всё уже позади, из тени на свет выходит могущественный таинственный враг...

© Домовец А., 2016
© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	20
Глава первая	20
Глава вторая	26
Глава третья	35
Часть вторая	49
Глава четвертая	49
Глава пятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Домовец Ад ближе, чем думают

© ЭИ «@элита» 2016

* * *

Пролог

Положительно, граф Пётр Алексеевич Пален чем-то смахивал на ожившую статую. Неподвижные черты узкого лица, ледяной взгляд, неторопливо-скупые движения и негромкая, веская речь – всё это говорило о значимости персоны военного губернатора Петербурга, однако симпатии в глазах окружающих не прибавляло. В его надменности ощущалась некая угроза, и даже высшие сановники империи в разговоре с графом держались насторожённо.

Был, впрочем, один человек, в общении с которым Палена словно подменяли. Куда только девалась манера цедить слова и смотреть мимо собеседника! И голос делался мягче, и гордо расправленные плечи слегка сутулились, и руки вытягивались чуть ли не по швам... Правда, метаморфозы эти происходили исключительно в присутствии императора Павла.

Нынешняя встреча монарха с губернатором проистекала в личных императорских покоях на втором этаже только-только выстроенного и заселённого Михайловского замка. Павел размашисто шагал по кабинету и, не стесняя себя выбором выражений, отчитывал Палена. Тот молча выслушивал упрёки и лишь невозмутимо поворачивал голову влево-вправо вслед за императором.

– Я начинаю жалеть, что вернул вас из отставки, – раздражённо говорил Павел. – Весь город гудит от слухов о заговоре против моей персоны, а вы молчите. Хорош военный губернатор, нечего сказать! Случись за окном второй всемирный потоп, вы и его проспите... Да у меня Кутайсов больше вашего знает!

В завершение тирады Павел сильно ударил кулаком по столу. Массивная бронзовая чернильница с позолоченной фигуркой льва на крышечке подпрыгнула, хрустальная подставка для перьев перевернулась, рассыпав содержимое на бумаги.

– В осведомлённости обер-шпехтштальмейстера я ничуть не сомневаюсь, – спокойно сказал Пален. – Однако же позвольте заметить, ваше величество, что и моя полиция не даром хлеб ест. Разумеется, слухи и сплетни насчёт заговора мне известны.

– Так почему же в ваших докладах о том ни единого слова? – резко спросил Павел.

– Да потому, государь, что не к лицу губернатору потчевать ваше величество небылицами, – сухо ответил граф с полупоклоном. – Но как только у меня будут проверенные факты, я немедленно доведу их до вашего сведения.

– Ну, спасибо, утешил, – насмешливо произнёс Павел. – А вот я знаю и без вашей полиции, что заговор – есть, что против меня злоумышляют братья Зубовы, генерал Беннигсен, командиры полков Депрерадович и Уваров, и даже...

Он замолчал. Вытянув шею, граф напряжённо ждал продолжения фразы. Павел вплотную подошёл к нему, посмотрел снизу вверх и чуть ли не шёпотом яростно добавил:

– И даже сыновья мои Александр и Константин. Что скажете, граф?

Пален выдержал паузу.

– Графа Кутайсова можно поздравить: его соглядатаи работают на совесть, – наконец сказал он со вздохом. – Ну, раз уж вы всё знаете, ваше величество, не вижу смысла таиться далее. Теперь я могу признаться...

– В чём? – рявкнул Павел.

– Действительно, заговор против вас существует, и мне о том известно, – медленно заговорил Пален. – Действительно, в комплоте состоят все названные персоны. Но вы не назвали ещё одного участника – самого главного.

– И кто же это?

– Я, ваше величество, – с этими словами граф склонил голову.

Павел невольно отпрянул и, поскользнувшись на дубовом паркете, схватился за край стола. От резкого движения полы чёрного мундира с высоким красным воротником пошли

вразлёт, орденская лента сбилась набок. Невзрачное курносое лицо императора выразило изумление.

– Ты в уме ли, граф? – участливо спросил он, отбросив привычное обращение на «вы».

– Позвольте мне объясниться, ваше величество, и тогда уж сами решайте, сумасшедший ли я, – откликнулся Пален, раздвигая бледные губы в улыбке. – Не угодно ли вам сесть?

Заинтригованный император сел в кресло, жестом пригласил графа сделать то же самое и, закинув ногу за ногу, приготовился слушать.

– Заговор зреет уже несколько месяцев, – негромко продолжал граф, усаживаясь напротив Павла. – Заговорщики недовольны многим...

– Чем именно? – резко спросил император. – Говори, как есть, приказываю!

– Слушаюсь, ваше величество... Общественная ситуация, коротко говоря, такова. Помещики протестуют против указа о трёхдневной барщине. Церковь возмущена разрешением строить во всех епархиях старообрядческие храмы. Военным не по душе новые уставы. (Павел побагровел.) Дворянство недоумевает в части принятия вами титула великого магистра Мальтийского ордена, открытия орденского посольства в Петербурге и постоянного пребывания рыцарей-иоаннитов близ вашей персоны...

– Толково доложено, – сумрачно оценил рапорт Палена император. – Сжато и по делу. Это всё?

Пален замялся, однако продолжил:

– Увы, нет, ваше величество. Всё сказанное существенно, однако главное в ином. Растёт общее недовольство курсом на сближение с богопротивной якобинской Францией, который вы, ваше величество, с некоторых пор активно проводите. Россия вот-вот вступит в противостояние с монархиями Европы, вековые союзы рушатся, английский посол Витворт уже выслан... Я лишь повторяю аргументы заговорщиков, – быстро добавил он, заметив гневный жест императора. – Если подытожить, их целью является свержение законного монарха и передача трона цесаревичу Александру, который всё вернёт на круги своя. Другими словами, к традициям блаженной памяти императрицы Екатерины Второй. В заговор вовлечены многие придворные, дворяне, офицеры гвардии. Вот примерный список участников...

С этими словами Пален извлёк из внутреннего кармана и передал императору несколько листов. Павел, нервно морщась, просмотрел их.

– Непостижимо! – выдохнул он, швыряя бумаги на стол. – Семёновцы, измайловцы... Так что же – вся армия против меня? Смотри, и Талызин тут же. Мерзавец! Не я ли сделал его генералом?..

– Теперь вы понимаете, ваше величество, почему я не отказал, когда заговорщики предложили мне встать в их ряды, – журчал Пален. – Лишь присоединившись к злоумышленникам, я смог поимённо определить их и составить представление о масштабе заговора. А он, увы, чрезвычайно велик. И дело не в том, что этот список насчитывает более сотни фамилий. Во главе заговора стоит ваш сын и наследник Александр, вот главная беда. Впрочем, об этом вы знаете и без меня...

Взбешённый Павел вскочил на ноги. Свирепый удар трости обрушился на китайскую напольную вазу и разнёс её вдребезги.

– Он не сын мне больше! – завопил император, топчя безвинные осколки фарфора. – Повелеваю арестовать заговорщиков, провести следствие и наказать жестоко! Сегодня же! Немедленно! Вырвать с корнем изменную траву! Ты понял меня, Пален?

Граф неторопливо поднялся из кресла.

– Воля вашего величества будет исполнена, – веско сказал он. – И всё же я предлагаю немного выждать. Что мы сейчас можем предъявить заговорщикам, государь? В чём обвинить? Пока что против них лишь слухи и сплетни. А вот через два дня, когда они планируют

выступление, мы возьмём их с поличным. На то у меня есть верные части и полиция. Только после этого у следствия будут все улики. Но и тогда...

– Что «тогда»? – прорычал Павел.

Граф наклонился к императору.

– Схватить и заточить какого-нибудь Зубова, Аргамакова или Уварова – дело нетрудное, – медленно произнёс он. – Но у кого поднимется рука на цесаревича Александра? Помилуйте! Даже я, военный губернатор столицы, осмелюсь арестовать наследника престола, лишь располагая прямой санкцией императора, изложенной в виде письменного приказа.

– Что?! Тебе мало моего слова?

– В этом случае – да, – твёрдо ответил Пален. – Посудите сами, ваше величество! Особа, о которой идёт речь – следующий правитель Российской империи по праву естества. Это ваша плоть и кровь! И я хочу быть уверен, государь, что сердце ваше не дрогнет от жалости, и вы не измените своё решение, и впоследствии не накажете того, кто кинулся арестовывать цесаревича, быть может, неверно истолковав суровость ваших слов...

Павел отлично понял смысл витиеватой реплики.

– Так ты боишься ответственности? – мрачно то ли спросил, то ли констатировал он. – Ну, что ж... Запомни: слово рыцаря крепче любой печати. В другой раз я бы обиделся за недоверие к своему императору. Но теперь не до обид! Возьми...

С этими словами Павел присел к столу и быстро написал несколько строк.

– Для начала подвергнешь его домашнему аресту, а там посмотрим, – словно через силу сказал он, вручая сложенный лист графу. – Но арестовать надо не раньше, чем выступят заговорщики. Иначе он от всего отопрётся. Ты понял?

– Я всё сделаю, ваше величество, – торжественно произнёс Пален, бережно убирая бумагу во внутренний карман мундира. – И позвольте без лести сказать, что решение ваше останется в веках как немеркнущий пример неукоснительно служения монаршему долгу! А долг превыше всего, превыше даже родственных уз! Да и что они пред лицом государственных интересов?

Император, сторбившись в кресле, исподлобья взглянул на графа. Внезапно голову пронзила резкая боль, и Павел невольно схватился за виски. Только апоплексического удара теперь не хватало! До чего довели, негодяи...

– Что с вами, ваше величество? – услышал он участливый голос Палена.

– Да так, – с усилием ответил Павел, пытаясь подняться. – Что-то мне сегодня неможется. И в глазах всё время рябит...

Граф сочувственно посмотрел на монарха.

– У меня тоже, – признался он. – Это от сырости. От сырости и свечей.

Действительно, прошло едва сорок дней, как строительство Михайловского замка завершилось, и каменная кладка ещё не высохла. К тому же за окном стоял холодный сырой март. Чтобы уничтожить испарения, лакеи день и ночь жгли камины, но помогало слабо. В воздухе замка витал густой влажный туман пополам со свечным дымом, порой трудно было разглядеть собеседника даже на пяти шагах.

– Ну, может, ты и прав, – медленно сказал Павел. – Из-за этого чада и дышать трудно, и порой мерещится чёрт знает что...

– Вот как?

– Да! Вообрази только: второго дня я увидел в зеркале собственное изображение со свёрнутой набок шеей!

Последние слова у Павла вырвались против воли. Видение (мгновенно исчезнувшее, впрочем) было настолько шокирующим и даже пугающим, что император никому не хотел о нём говорить.

– Нервы, ваше величество, нервы, – успокаивающе произнёс Пален. – Да оно и неудивительно. Боюсь даже представить, какое напряжение вы постоянно испытываете, думая о заговоре...

– Заговор... – с горечью повторил Павел. – Ну ладно, эти мерзавцы Зубовы и иже с ними. Но Александр! Мало, что сын, так ещё и наследник престола! Уж он-то должен понимать, что союз с Бонапартом сулит России невиданные выгоды.

Граф глубоко вздохнул.

– Не затруднит ли ваше величество объяснить суть этих выгод, – сказал он. – Я человек военный, прямолинейный и, видимо, чего-то не возьму в толк. Заговорщикам, разумеется, я враг, и планы их расстрою. Но нельзя отрицать, что недовольство этим союзом в обществе очень велико.

– Удел монарха в том, чтобы смотреть дальше и понимать глубже, чем его подданные, – резко произнёс Павел. – Ты хочешь знать выгоды от комплота с Бонапартом? Изволь.

Тебе ли, генералу, объяснять, что союзные Англия, Австрия и Пруссия ненасытно требуют русских солдат? Что они толкают нас воевать с Бонапартом, а сами, битые многократно, мечтают отсидеться в кустах? Что они хотят от нас всего и не дают взамен ничего? Нет уж, их дружбой я сыт по горло! С такими друзьями и врагов не нужно...

Теперь Франция. Да, якобинская и безбожная. Да, во главе с этим выскочкой – самозванным первым консулом. Но! – Павел поднял указательный палец. – В Бонапарте жив истинно рыцарский дух. Не случайно же он за свой счёт обмундировал наш пленный полк и отпустил домой. С ним можно иметь дело. Союз, который он предлагает без всяких условий, и нужен, и выгоден. Ведь Россия и Франция, соединившись, продиктуют волю кому угодно. И никто, слышишь ли, граф, никто не сможет нам противостоять!

– Пожалуй, – тихо и задумчиво откликнулся Пален.

– В союзе с Францией мы достигнем полной гегемонии в Европе, – продолжал Павел, всё больше увлекаясь. – Потом дойдёт черед и до Востока с Африкой. Ходил же Бонапарт в Египет, и не без успеха, чёрт возьми!.. Что, к примеру, останется от Англии, коли отнять у неё Индию с несметными богатствами? И насколько усилимся мы, разделив эти богатства с Францией... А мы их разделим, разделим непременно! Наши Орлов с Платовым и французский генерал Массена уже выступили в поход на Ганг. И это только начало!.. Теперь ты понимаешь, граф, смысл моего нового курса?

Пален в волнении поднялся.

– Склоняю голову перед его величием, – твёрдо сказал он. – Но, государь, не опасаетесь ли вы, что Бонапарт окажется ненадёжным союзником? И, паче того, неподходящим? Тысячу раз простите, но что общего между могущественнейшим из монархов – и республиканцем, робеспьеровским генералом? Какой мезальянс...

– Тут всё непросто, на то и политика, – снисходительно ответил Павел, пожимая узкими плечами. – Лекцию читать не буду, скажу только, что общие у нас – интересы. И прочность нашего союза будет обеспечена этой общностью. А что до мезальянса... Бонапарт уже давно не республиканец, да и Робеспьер – перевёрнутая страница. Всё идёт к тому, что в близкие годы первый консул республику упразднит и вместо неё провозгласит империю. А сам при этом станет родоначальником новой династии. Почему бы и нет? Романовы и Габсбурги тоже когда-то были простыми дворянами... И вот тогда монархи Европы наперебой кинутся предлагать ему в жены своих дочерей.

– Но он женат...

– Разведётся, – уверенно сказал Павел. – Жозефина бесплодна, а династические интересы потребуют наследника престола. Стало быть, новый брак неизбежен, попомни мои слова.

Пален не без удивления отметил, что прозорливость и логика суждений императора являют резкий контраст с его простоватой внешностью, щуплой фигурой и репутацией взбалмошного правителя. Прав Павел, по всем статьям прав... Граф склонился в низком поклоне.

– Мне всё ясно, ваше величество, – произнёс он торжественно. – Теперь позвольте удалиться. Вскоре назначена моя встреча с цесаревичем. Вы ведь помните, что я один из главных заговорщиков, – добавил он с улыбкой.

Лицо Павла, только что светившееся воодушевлением, омрачилось.

– Ступай, – вяло сказал он.

Покидая императорские апартаменты, Пален снова подумал, что Павел совершенно прав. Вероломство прежних союзников неотвратимо толкает его в объятия Бонапарта. И в комплоте с Францией Россия неминуемо получит свою долю мирового пирога и прирастёт территориями, природными богатствами, подданными. (В этом смысле отношения с Мальтийским орденом тоже очень даже оправданы. В сущности, ещё одна губерния – заморская. Военная база, стоянка для флота, пригляд за Средиземноморьем – в контру Англии...) Вот и выходит, что в близком будущем – взлёт державы, развитие культуры и образования, внутренние вольности... А они будут, непременно будут, залогом тому либеральные взгляды Павла. Чего стоит один манифест в пользу крепостных, ограничивающий барщину тремя днями в неделю!.. А там и до конституции рукой подать...

Челюсти графа сами собой сжались, издав неприятный скрежет.

– Бедный, бедный Павел, – негромко произнёс Пален, садясь в ожидавшую карету.

Как только губернатор покинул кабинет, император подошёл к массивной ширме, закрывавшей угол комнаты, и отодвинул в сторону. Из-за ширмы выскользнул невысокий черноволосый, очень подвижный и юркий человек в роскошном придворном платье. То был Иван Кутайсов – в прошлом брадобрей Павла в бытность его цесаревичем, а ныне граф и обер-шпрехтшталмейстер.

– Что скажешь, Иван Павлович? – мрачно спросил любимца император.

Кутайсов подошёл к жарко пылающему камину, плюнул в огонь и сказал:

– Хитрит, Иуда. – Выдержав паузу, добавил: – Вы по-прежнему считаете, ваше величество, что мы проявляем излишние осторожности?

Сжав голову ладонями, Павел вдруг горестно произнёс:

– Не могу поверить, слышишь? Возможно ли такое вероломство? За что ненавидят?.. И сын тоже, Саша...

Вечером того же дня в гостиной цесаревича между графом и Александром шёл трудный разговор. Впрочем, его скорее следовало бы назвать монологом Палена: Александр молчал, и лишь дрожание век при самых откровенных высказываниях собеседника свидетельствовало, что слушает он внимательно.

– Ваше высочество, это уже невыносимо! – тихо и сумрачно говорил Пален. – Выходками и взбалмошностью ваш батюшка превзошёл даже своего родителя, блаженной памяти императора Петра Фёдоровича...

Александр молчал, внимательно рассматривая настенный гобелен.

– Россия устала от него и боится, – продолжал Пален. – А этот союз с богопротивной Францией, с республиканцем Наполеоном! Ваши предки, гремя костями, переворачиваются теперь в своих гробах. Повсюду хаос, беспорядок, подрыв устоев... Доколе?!

Цесаревич продолжал молчать, и лишь пальцы его всё крепче сжимали ручку кресла.

– Так дальше продолжаться не может! Вы понимаете меня, ваше высочество? Я... мы все видим только один путь исправить положение. Престол должен занять монарх, достойный править. И этот монарх – вы!

Откинувшись в кресле, Александр закрыл глаза. Пален терпеливо ждал ответа и в который по счёту раз дивился про себя несходству между отцом и сыном. Не будь императрица Мария Фёдоровна верной и преданной женой, можно было бы заподозрить, что цесаревич появился на свет в результате посторонней связи. Высокий, стройный, белокурый Александр очаровывал приветливым взглядом и кроткой улыбкой. Немногие догадывались, что цесаревич, воспитанный бабушкой Екатериной Великой, в полной мере унаследовал её умение скрывать мысли, хитрить, а в случае нужды и лицемерить, сохраняя при этом вполне простодушный вид.

Наконец Александр открыл глаза и немного подался к собеседнику.

– Я никогда не приму участие в заговоре против отца, – отдельно сказал он. – Вот вам моё последнее слово. Это противно законам божеским и человеческим. Более того, я призываю вас и ваших сообщников отказаться от преступных планов. Они всё равно провалятся, и злоумышленников ждёт эшафот. Не заставляйте императора залить Россию кровью.

Ну, что ж... Когда-то и Бориса Годунова буквально упрасивали занять престол. Целая делегация бояр и церковников трижды валялась у него в ногах, призывая на царство. И теперь, двести лет спустя, также следовало запастись терпением.

– Я восхищён, ваше высочество, – негромко произнёс Пален. – Ставить во главу угла сыновний долг – это, поистине, пример, достойный подражания. Боюсь только, что батюшка ваш к своему отцовскому долгу относится не столь щепетильно.

Александр поднял голову.

– Что вы имеете в виду, граф? – удивлённо спросил он.

– Слухи о вашей причастности к заговору распространились столь широко, что император априори считает вас виновным, – спокойно сказал Пален. – Вероятно, ему следовало бы по-отцовски поговорить с вами, объясниться... Однако он предпочёл иной путь. Вот, извольте ознакомиться.

С этими словами граф достал и протянул наследнику сложенный лист бумаги. Александр быстро просмотрел его.

– Непостижимо! – вымолвил он в сильнейшем волнении. – Это же приказ о моём аресте!

– А что вас удивляет, ваше высочество? – сказал Пален, пожимая плечами. – Ваш предок Пётр Первый, помолясь, обошёл с царевичем Алексеем ещё более сурово. Правда, и тогда дело началось с простого ареста...

Участливо глядя на побелевшего цесаревича, граф осторожно забрал из его дрожащих рук бумагу и спрятал в карман.

– Вы видите, – вкрадчиво сказал он, – что моё положение более чем двусмысленно. Как военный губернатор Петербурга я должен исполнить прямой приказ императора и подвергнуть вас домашнему аресту... для начала. Что будет потом, один бог ведает. Но как дворянин, болеющий душой за державу, я не могу поднять руку на того, кто является оплотом и последней надеждой России. И вот я снова спрашиваю, ваше высочество: вы с нами?

Страдальчески изогнув брови, Александр впервые за всё время разговора посмотрел Палену прямо в глаза. Тот ответил твёрдым взглядом. Александр открыл рот, словно хотел что-то сказать, но передумал. Просто кивнул – медленно, со скорбным выражением лица...

Вечером 11 марта император Павел по обыкновению ушёл в свои покои после десяти часов. Потрепав по плечу солдата Агапеева, стоявшего на посту возле входа, он помолился у иконы в прихожей, принял питьё из рук лейб-медика Гриве и через потайную лестницу спустился к прелестной княгине Гагариной. Около часа Павел провёл у фаворитки, побеседовал с её мужем и обещал князю портфель военного министра вместо вечно болевшего графа Ливена.

В полночь император поднялся к себе и удалился в спальню, пожелав слугам спокойной ночи.

Заговорщики, числом десять, во главе с братьями Зубовыми и генералом Беннигсеном подошли к внешней двери покоев через четверть часа.

– Кто такие?.. – открыл было рот Агапеев и получил от Николая Зубова удар саблей по голове.

С выражением изумления и ужаса на залитом кровью лице часовой мешком осел на пол. Отпихнув солдата ногой, к двери подошёл Аргамаков и сильно постучал. Через минуту в прихожей слышались чьи-то шаги.

– Кто там? – раздался изнутри заспанный голос дежурного камердинера.

– Флигель-адъютант Аргамаков, – рявкнул в ответ офицер. – Шесть часов утра. Время доклада государю.

Последовала пауза.

– Вы, верно, ошибаетесь, господин флигель-адъютант, – возразил наконец удивлённый камердинер. – Мы только что легли спать. Сейчас едва начало первого...

– У вас часы остановились, не иначе, – нетерпеливо возразил Аргамаков. – Открывайте же. Если по вашей милости я пропущу время доклада, государь не помилует. Да и вам достанется, будьте уверены!

После короткой паузы дверь открылась. Заговорщики ворвались в прихожую, и камердинер вместе с двумя камер-гусарами в мгновение ока разделили участь Агапеева. Но когда офицеры вбежали в спальню императора, выяснилось, что там никого нет. Постель под массивным балдахинном была пуста и даже не смята. За ширмой в углу тоже никого не оказалось.

Злоумышленники, оглядываясь, растерянно затоптались посреди спальни. На стенах комнаты плясали их тени, отброшенные тусклым светом захваченной в прихожей лампы.

– Это что же, птичка упорхнула? – прорычал Платон Зубов.

– Похоже на то, – буркнул Вяземский и выругался по матери.

– Пойдите-ка, – возразил Беннигсен. – А это что?

Он быстрым шагом пересёк спальню и подошёл к зашторенному окну. Резким движением отдернул портьеры. И – замер, поражённый.

На широком подоконнике стоял мужчина, одетый в чёрное. Однако это был не император: и ростом выше, и в плечах шире. Лицо незнакомца скрывала надвинутая на лоб треуголка. На боку висела шпага, в руках опасно поблёскивали пистолеты.

– Вы кто? – резко спросил Беннигсен, невольно отступая на шаг и хватаясь за эфес сабли.

Ответом был выстрел в упор. Пуля превратила лицо генерала в кровавую маску и отбросила тело назад. Вторым выстрелом незнакомец уложил смельчака Яшвиля, кинувшегося на подмогу Беннигсену.

Прежде чем поражённые злоумышленники пришли в себя, незнакомец отшвырнул дымящиеся пистолеты, соскочил на пол и проворно выхватил из-за пояса новую пару. Ещё два выстрела покончили с братьями Зубовыми. Хищно вдохнув резкий пороховой запах, человек в чёрном коротко засмеялся.

– Император нынче занят, господа, – звучно сказал он по-французски. – Он поручил провести аудиенцию мне.

Яростно крича, заговорщики с саблями наголо бросились к незнакомцу, однако их встретили новые выстрелы. Ещё одну пару пистолетов неприятель припас на подоконнике и теперь пустил в ход. Скарятин был убит наповал пулей в сердце. Вяземский с простреленным боком покатился по полу. На этом запас огнестрельного оружия у человека иссяк. Неуловимо быстрым движением он выхватил шпагу.

– Это дьявол какой-то! – взревел Аргамаков, заноса саблю.

Страшен он был сейчас – багровый, растрёпанный, с дико вытаращенными глазами. Однако незнакомец оказался не из пугливых и действовал на редкость хладнокровно. Ловко уклонившись от удара, он вонзил шпагу в горло флигель-адъютанту. Аргамаков выронил саблю. В последний свой миг он вдруг узнал человека в чёрном, с которого во время схватки упала скрывавшая лицо треуголка. То был мальтийский рыцарь-иоаннит Пьер де Сешель, состоявший в посольстве ордена в Петербурге и принятый при дворе. Но как он здесь оказался? Да ещё вооружённый до зубов?.. А больше ни о чём Аргамаков подумать уже не мог: сомлел.

Оставив флигель-адъютанта умирать на полу, де Сешель метнулся к наружной двери и, став в проёме, загородил выход. Теперь у трёх пока ещё невредимых злоумышленников было два пути к отступлению: либо прыгать в окно, либо пройти через дверь по трупу рыцаря. Горданов, Татарин и Бологовский в нерешительности остановились в пяти шагах от мальтийца, медля с нападением. Совсем не трусы, офицеры испытывали сейчас нечто вроде суеверного страха. В считанные минуты человек в чёрном уничтожил большую часть заговорщиков и при этом даже не запыхался. Да человек ли это?..

Неожиданно в коридоре возник нарастающий шум.

– Держись, ребята! Это Пален с Уваровым ведут со двора подмогу! – закричал Татарин, и в голосе его явственно прозвучало облегчение.

– Ошибаетесь, месье, – с отменной вежливостью сказал де Сешель. – Сдаётся мне, напротив, это генерал Аракчеев с лейб-гвардейцами вьжет ваших товарищей по заговору. Так что надеяться не на что.

Татарин выпучил глаза, усы его стали торчком.

– Аракчеев? Что за чушь?! Он же в ссылке...

– Третьего дня секретным распоряжением императора из неё возвращён, и вот уже два часа как возглавил Преображенский полк взамен изменника Талызина, – охотно пояснил мальтиец. – Правда, знают об этом лишь те, кому надлежит, и ни единой персоной более... В общем, предлагаю сложить оружие и вверить дальнейшую участь в руки императора. Возможно, он проявит милосердие и оставит вам жизнь. Хотя, откровенно говоря, вы этого не заслуживаете, – безжалостно добавил он с оттенком презрения. – Решили погубить собственного суверена – вдесятером против одного, безоружного. Замысел, достойный гиен, а не дворян и офицеров...

Бологовский рванул ворот мундира – от яростного движения полетели крючки с пуговицами, да орденская звезда с лёгким звоном упала с груди на пол. Подстёгиваемый стыдом и гневом, он бросился на мальтийца. Но, упреждая выпад Бологовского, тот метнул извлечённый из сапога кинжал, и заговорщик шумно рухнул с клинком в сердце. Рыцарь коротко засмеялся.

– Так что же, господа, вы сдаётесь? – спросил он, откидывая прядь густых чёрных волос с высокого лба.

Ответом было нападение. Не сговариваясь, офицеры с мужеством отчаянья одновременно атаковали де Сешеля с двух сторон. Однако мальтиец, низко пригнувшись, с поразительной лёгкостью проскользнул между занесённых сабель (заговорщики чуть не зарубили друг друга) и оказался за спинами нападавших. Горданов быстро обернулся – и был насквозь пронзён стремительным ударом шпаги в живот. В этот момент Татарин, отбросив саблю, кинулся на врага, и пока тот извлекал клинок из обмякшего тела, вцепился в горло. Ему удалось сбить мальтийца с ног. С невнятным рёвом офицер навалился на де Сешеля и принялся душить. Татарину уже было всё равно, что станет с ним самим – лишь бы уничтожить рыцаря, отомстить за разрушенный план царубийства и погубленных товарищей по заговору...

Ни весом, ни физической силой тягаться с Татариновым мальтиец не мог. Но это его ничуть не смутило. Он даже не пытался разомкнуть руки, сдавившие горло железным обручем. Зато сложил указательный и безымянный пальцы правой руки в некое подобие двузубой вилки и неожиданно ткнул офицера в глаза. С болезненным стоном Татаринов отпрянул и невольно схватился за лицо. Чтобы закрепить успех, де Сешель стряхнул обидчика на пол и, вскочив на ноги, чувствительно пнул ниже пояса. И вновь раздался стон.

– Негодяй! – просипел Татаринов, тяжело дыша. – Подлец! Благородные люди так не сражаются!

Мальтиец покрутил головой, разминая пострадавшую шею.

– Зато в Париже так дерётся любой мальчишка, – хладнокровно сказал он. – Да и вам ли роптать? Лучшего обращения вы не заслужили...

Он быстро связал парализованного болью, скорчившегося на полу врага его же португальской пестрой. Теперь всё было кончено.

Рыцарь подошёл к стене и отрыл потайную дверь, скрытую за узорчатыми шёлковыми обоями.

– Поднимайтесь, ваше величество! – громко сказал он. – Вам больше ничего не угрожает.

Внизу, на узкой винтовой лестнице, соединявшей комнаты Анны Гагариной с покоями императора, слышались шаги, и в спальне появился Павел Первый. Несмотря на поздний час, он был в мундире и сапогах, на боку висела шпага, руку тяжелила трость с набалдашником слоновой кости. На бледном лице Павла застыло угрюмое выражение, а губы судорожно подёргивались.

Остановившись на пороге, император оглядел комнату. Зрелище, представшее перед ним в неярком свете лампы, было поистине страшным. Из десяти заговорщиков уцелел только Татаринов. Остальные были убиты наповал или конвульсировали в предсмертных муках на залитых кровью коврах. В воздухе, пропитанном пороховой гарью, остывал последний хрип умирающих. Император невольно прикрыл глаза и пошатнулся, так что де Сешелю пришлось его поддержать.

– Мои убийцы, – пробормотал Павел. – Цвет гвардии... И с ними справился один человек? Невероятно!

Преодолев слабость, император лёгким движением отстранил рыцаря, подошёл к телу Аргамакова и долго вглядывался. Ладони покойного были прижаты к развороченному шпагой горлу, лицо исказилось от удушья, посиневшие губы искривило страдание.

– Тяжело же ты умирал, – тихо произнёс Павел. – Ах, Аргамаков, Аргамаков... Не я ли тебя обласкал, не я ли приблизил к своей особе? Какое будущее открывалось! Чего тебе не хватало, несчастный?..

Мальтиец подал голос:

– Мне кажется, сир, ни он, ни остальные жалости не заслуживают, – произнёс он с поклоном. – Если бы не меры предосторожности, благодаря которым на вашем месте оказался я, вы бы остались один на один с толпой головорезов. И сейчас – тысяча извинений! – впору было бы оплакивать не их, а вас. А вместе с вами также империю, которую цесаревич-наследник наверняка потащил бы назад, в прошлую эпоху...

С этими словами рыцарь отошёл в сторону и скрестил руки на груди. Павел почувствовал, что краснеет. Выговор, сделанный де Сешелем почтительно и в то же время жёстко, напомнил, что жертв здесь нет – есть убийцы, получившие по заслугам. Император подошёл к мальтийцу и порывисто обнял.

– Вы спасли меня, рискуя жизнью, и потому имеете право говорить нелицеприятно, – сказал он, глядя на высокого рыцаря снизу вверх. – Поверьте, я сумею быть благодарным, мой друг... Вы правы: не будем жалеть их. Сейчас важно выкорчевать изменные корни, очи-

стить двор и армию от заговорщиков и двигаться дальше... Столько дел! Столько замыслов! И всё это могло погибнуть вместе со мною...

За дверью послышались чьи-то быстрые шаги, и в спальню ворвался Кутайсов с пятью гвардейцами.

– Вы не пострадали, ваш величество? – крикнул граф, задыхаясь от бега и волнения.

– Твоими молитвами, – ледяным тоном сказал Павел. – Что-то вы не торопились на помощь. Если бы не доблесть и отвага шеваляе... Как вы вообще допустили заговорщиков в мои покои?

– Ах, государь, не велите казнить... Злоумышленники оказались хитрее и проворнее, чем мы ожидали. Они вошли во двор замка не одной, а двумя колоннами. Пока Аракчеев со своими гвардейцами разоружал первую, часть второй прорвалась во дворец... Но ведь я и предложил укрыть рыцаря в вашей спальне на всякий непредвиденный случай! Как видите, предосторожность оказалась не лишней.

Произнося взволнованную тираду, Кутайсов косился на завалившие пол трупы заговорщиков. При виде убитых братьев Зубовых – старых недругов – граф не удержался от злорадного хмыканья, но тут же умолк под суровым взглядом де Сешеля.

– Ладно, – произнёс император уже заметно мягче. – Хорошо, что хорошо кончается. Слава богу, обошлось – я невредим, и рыцарь тоже... Пален арестован?

– Так точно, государь. Какие будут приказания? – спросил приободрённый Кутайсов, вытягиваясь в струнку.

Лицо Павла на миг исказилось жестокой гримасой.

– Палена – ко мне в кабинет! – отрывисто и нервно сказал он. (Один из офицеров быстро вышел за дверь.) – Шеваляе, вы будете присутствовать на допросе. Что-то мне не хочется оставаться наедине с этим негодяем... (Де Сешель склонил голову.) Татаринова – в крепость до особого распоряжения. Этих, – он кивнул на трупы, – убрать. Тела семьям не отдавать. Вырыть общую могилу и захоронить тайно. Кресты не ставить! (Кутайсов чуть побледнел и раскрыл рот, однако под гневным взглядом суверена осёкся.)

Повернувшись на каблуках, Павел направился к выходу, но вдруг остановился.

– Да, чуть не забыл! Цесаревича Александра взять под стражу. Немедленно! – властно произнёс он. – После Палена я побеседую с ним.

– Надеюсь, ваше величество, вы уже оправились после потрясения, вызванного подлым заговором против вашей особы, – учтиво произнёс Наполеон. При этом он привстал из кресла и слегка поклонился.

Неофициальная встреча императора Павла с первым консулом Французской республики проходила в Митаве, которая ещё недавно была столицей герцогства Курляндского. После очередного раздела Польши в 1795 году она отошла к России и стала центром Курляндской губернии. Имение Грюнхоф, когда-то принадлежавшее последнему герцогу Петру Бирону, превратилось в резиденцию губернатора Арсеньева и теперь принимало высоких гостей. Было обоюдно решено, что ни Петербург, ни Париж для первой личной встречи не подходят. В поисках нейтрального места сошлись на Курляндии, которая граничила с Пруссией, откуда в сопровождении небольшой свиты и прибыл Наполеон.

Стояла середина апреля, но злой балтийский ветер всюду свистел за высокими узкими окнами Грюнхофа, заставляя зябко ёжиться и мечтать о тепле. Слуги придвинули кресла поближе к камину, поставили столик с коньяком, винами и закусками. Впрочем, ни Павел, ни Наполеон горячительными напитками не увлекались. Да и тема беседы была слишком серьёзной, чтобы туманить головы крепким питьём.

Павел задумчиво смотрел на красный с синими прожилками огонь, жарко плясавший в камине.

– Что ж, покушение... Не буду скрывать: та ночь мне часто снится. Снятся трупы заговорщиков. Снится лицо Палена, услышавшего приговор, – негромко сказал он. – Но это неважно. Главное, что цареубийство было сорвано, и я уцелел...

Меньше всего императору хотелось возвращаться мыслями к заговору, к страшной картине собственной спальни, залитой кровью злоумышленников. Но первый консул имел право задать свой вопрос. Ведь это его помощь спасла Павла от неминуемой смерти.

Разведка Наполеона обнаружила подготовку заговора уже давно. Ольга Жеребцова, любовница английского посла в России Чарльза Витворта, была платным агентом наполеоновского министра полиции Фуше. В её доме посол встречался с заговорщиками, планировал с ними свержение императора, передавал деньги. С этими сведениями от Жеребцовой Фуше явился к первому консулу, и тот пришёл в ярость. Допустить гибель Павла было никак нельзя. Его падение ставило крест на грандиозных планах, которые Франция могла осуществить лишь в союзе с далёкой холодной Россией.

И ведь союз-то в первом приближении уже намечался! В тщедушном властителе бескрайней Российской империи при всех чудачествах (впрочем, сильно преувеличенных молвой и недругами) было главное: сильная воля, недюжинный ум, ясное понимание глубинных интересов страны. И потому Павел подавал всё более отчётливые знаки, что стратегический комплот с Францией вполне вероятен. Он разругался с традиционными партнёрами – Австрией и Пруссией, выставил из Митавы вместе с карликовым двором короля-эмигранта Людовика Восемнадцатого, обострил отношения с Англией и даже выдворил Витворта из России. На ход заговора, впрочем, это не повлияло. Машина уже была запущена. А вот с отъездом посла дом его любовницы перестал служить местом встречи заговорщиков, Жеребцова как агент осталась не у дел, и Фуше утратил возможность контролировать действия злоумышленников...

Тогда-то министр полиции предложил напрямую сообщить Павлу о грозящей опасности. Получив согласие Наполеона, Фуше отправил в Петербург неофициального посланника. В этой роли выступил наиболее ловкий и опытный из личных телохранителей Наполеона Мишель Дюран. Бывший офицер-кавалерист, фанатично преданный первому консулу, прошёл с ним итальянскую и египетскую кампании, был рядом в день захвата власти и неоднократно выполнял особые поручения. Виртуозное владение шпагой, кинжалом и пистолетом позволили молодому человеку (а Мишелю не исполнилось и тридцати) несколько раз выручать Наполеона в самых сложных ситуациях.

В Петербург Дюран прибыл поздней осенью 1800 года под видом простого французского дворянина и сразу направился на Садовую улицу, где обосновалась российская резиденция Мальтийского ордена. Состоялась приватная встреча и долгая беседа с орденским министром-посланником графом Джулио Литтой. Содержание разговора осталось в тайне, однако Дюрана поселили в резиденции, и уже вскоре Литта представил его императору Павлу как рыцаря Мальтийского ордена Пьера де Сешеля, чудом спасшегося после захвата острова англичанами. (Члены орденского посольства приняли новоявленного собрата с удивлением, но министр-посланник каждому приватно объяснил, что молодой француз прибыл со специальной миссией, действует в высших интересах ордена, а рыцарем объявлен исключительно ради пользы для дела.)

Рыцарское звание конституировало Дюрана в обществе и, главное, дало естественную возможность общаться с Павлом, совмещавшим титулы императора и великого гроссмейстера Мальтийского ордена. При первой же аудиенции Мишель открыл российскому самодержцу причину своего приезда и передал личное письмо от Наполеона.

Читая тайное послание вождя французов, Павел испытывал противоречивые чувства. Забота о его, императора, безопасности трогала и вызывала благодарность. Но в заговор, да ещё с участием ближайших людей вплоть до наследника-цесаревича, рыцарственный

прямодушный Павел верить отказывался. С письмом Наполеона он, впрочем, ознакомил Кутайсова, руководившего неофициальным сыском императора. А вот фаворит воспринял предостережение всерьёз. Его люди начали активно следить за названными в послании участниками заговора, к расследованию подключился и Дюран, который в качестве мальтийского рыцаря, принятого самим Павлом, стал вхож в дома высшего столичного общества. И к весне 1801 года картина готовящегося переворота окончательно прояснилась.

Что делать дальше? Заговорщики были хитры, следов не оставляли, все планы строились на словах. «Было бы идеально арестовать злоумышленников прямо на месте преступления. В этом случае им уже не отпереться. Разумеется, при этом придётся пойти на известный риск, но игра стоит свеч», – советовал Наполеон в очередном секретном письме. Павел после некоторых колебаний согласился. Однако он решил испытать цесаревича. Вручив для вида Палену приказ на арест наследника, Павел, в сущности, убил двух зайцев. Губернатору-изменнику, усыпляя бдительность, он продемонстрировал мнимое доверие. А вот Александра поставил перед окончательным выбором. Либо сын, несмотря на отцовскую немилость, останется с ним и выдаст заговор, либо...

Тайно вызванный из ссылки генерал Аракчеев получил указ, вручавший ему бразды правления Преображенским полком взамен отстранённого генерала-изменника Талызина. Гвардейцы-преображенцы, шефом которым состоял сам император и которыми Аракчеев командовал ещё до ссылки, стали главной силой в подавлении заговора. Осторожный Кутайсов настоял также, чтобы на время мятежа император укрылся в покоях княгини Гагариной, а в спальне остался вооружённый до зубов Дюран. Как в воду глядел бывший брадобрей...

Заговорщики отделались разжалованием и каторгой. Но главу заговора графа Палена за чудовищное вероломство приговорили к смертной казни, и жизнь свою он закончил на виселице. Бывший цесаревич Александр был отправлен в бессрочную ссылку в далёкий Тобольск. Константина, не участвовавшего прямо, но сочувствовавшего заговору, Павел специальным манифестом лишил права наследования. В том же манифесте наследником престола объявлялся третий сын императора Николай.

– Прежде чем обратиться к более серьёзным темам, предлагаю обсудить небольшой вопрос, – сказал Павел. – Я знаю, ваше превосходительство, что вы не любите, когда ваши подданные получают иностранные награды...

Наполеон кивнул:

– Совершенно верно. В этом смысле я согласен с английской Елизаветой Первой. Помните, как она сказала? «Мои собаки должны носить лишь мои ошейники»...

– Тем не менее, – продолжал Павел, – я бы хотел достойно вознаградить кавалера Дюрана, который бился за меня, как античный герой. Подготовлен указ о пожаловании ему ордена Андрея Первозванного, а также титула барона Российской империи с приложением земель в Нижегородской губернии и тысячи душ крепостных. Что скажете?

– Скажу, что Мишель сполна заслужил столь щедрую награду, – ответил Наполеон, разводя руками. – Рад за него и ничего не имею против, случай совершенно особый. Тем более что, защищая ваше величество, он выполнял мой приказ... Однако – что же получается? Став российским бароном и помещиком, он должен будет перейти на службу к вам?

– Я согласен, – сказал Павел с улыбкой.

– Но я-то лишусь наилучшего телохранителя! – с чисто итальянской живостью вскричал Наполеон. – И кем я его заменю? Впрочем, – добавил он, – в интересах укрепления нашего союза...

– Именно с этой целью, – серьёзно подтвердил император. – Благодарю, ваше превосходительство. Вы совершенно точно меня поняли... А теперь предлагаю обсудить нашу коалицию.

Обсуждение затянулось до ужина. Собеседники были едины в ненависти к Англии и стремлении поставить её на колени. Первые шаги к цели уже сделали. Русский и французский корпуса, каждый по тридцать пять тысяч человек, соединились в устье Волги и под общим командованием генерала Массена отплыли в персидский порт Астрабад, чтобы оттуда форсированным маршем устремиться на Индию. А двадцать тысяч казаков под началом атамана Орлова-Денисова и офицера Платова шли туда же – через Среднюю Азию и, преодолевая непривычную жару, успели покорить Хиву с Бухарой...

За ужином обсуждение продолжилось. Изменив привычке, Наполеон выпил несколько рюмок коньяку, да и Павел не отставал. Собеседники расслабились настолько, что, пользуясь отсутствием дам, сбросили мундиры и даже расстегнули жилеты. У обоих было прекрасное настроение, рождённое ощущением единодушия. Наследный император и вчерашний генерал-якобинец понимали друг друга с полуслова.

– У наших стран нет общих границ, а стало быть, не может существовать неразрешимых проблем, – говорил Наполеон за десертом. Очистив апельсин, он любезно передал его Павлу.

– Благодарю вас... Я придерживаюсь того же мнения, – произнёс раздумавшийся Павел. – Наша коалиция обещает столь многое, что, по чести говоря, неминуемое сокрушение Англии станет лишь началом общеевропейской гегемонии России и Франции. А внутренние разногласия, буде таковые случатся, мы всегда сумеем разрешить внутренним же порядком. Залогом тому – огромные выгоды от союза, которые, безусловно, перевесят возможные издержки.

– Готов подписаться под каждым словом, ваше величество, – подхватил Наполеон. – И в знак полного доверия к вам я хочу сообщить нечто, о чём никто ещё не знает...

Наклонившись к Павлу, первый консул негромко продолжал:

– Полагаю, для вас не секрет, что революция в нашей стране закончена. Она сделала своё дело, и довольно. Французы устали от хаоса, они хотят возвращения к исконным традициям! Для начала я покончил с якобинским безбожием и восстановил в правах церковь со священниками. Но это не всё... – Он ещё сильнее понизил голос. – Францией тысячу лет управляла монархия. И потому в ближайшие два-три года я намерен короноваться!

Павел внутренне улыбнулся. Не о таком ли развитии событий он совсем недавно говорил изменнику Палену?

– Прекрасное и мудрое решение, ваше превосходительство, – веско произнёс он. – Строить большие планы, опираясь на зыбкий фундамент консульской власти, было бы недальновидно. Чем вы уступаете древним королям, создававшим империи силой оружия? Можете не сомневаться, что со своей стороны я всячески поддержу создание новой французской династии.

– Династии... – эхом отозвался Наполеон. На лице первого консула проступило непривычное смущение. – Вы затронули самое уязвимое и больное место, ваше величество. Увы, моя супруга бесплодна, и... Словом, если всерьёз говорить о создании собственной династии, развод с Жозефиной неизбежен, как бы я ни любил её...

Павел сожалеючи посмотрел на собеседника:

– Понимаю ваши чувства... Но что же делать? Великое дело требует жертв. И я не сомневаюсь, что после развода вы легко найдёте новую супругу, которая произведёт на свет ваших наследников. Советую обратить внимание на кого-нибудь из немецких принцесс. Их плодовитость вошла в поговорку. Моя жена – прекрасный тому пример! – добавил он интимным тоном, не лишённым оттенка фривольности.

Наполеон покачал головой:

– Мой будущий выбор уже сделан, ваше величество. После развода я намерен просить руки вашей старшей дочери Елены...

Сказал – и вцепился взглядом в лицо собеседника.

Такого поворота Павел не ожидал, и даже мимолётно решил, что ослышался. Он изумлённо посмотрел на первого консула. Друг Робеспьера, якобинский полководец, душитель роялистского восстания... И – повелитель Франции, которая так нужна России в этом опасном изменчивом мире... Но – Елена, любимая дочь, плоть от плоти, воплощённая нежность и грация?.. Он, отец-император, из политических соображений должен своими руками уложить её в постель коротконового плотного корсиканца с характерной чёрной шевелюрой, грубого внешностью и немолодого годами?..

Ах, как хотелось в этот миг сказать Наполеону что-нибудь спесивое! Ну, например: «Не по Сеньке шапка». Или: «Руби сук по себе». Сказать – и поставить жирный крест на союзе с Францией. Такого оскорбления первый консул, конечно, не простит (нечего и мечтать!) и даже пренебрежёт огромными выгодами от коалиции с Россией. Вместо союзника Павел обретёт врага. И Англия, заплатившая за его, Павла, свержение, будет неотомщённой. И сказочные богатства Индии осядут в чужой казне. И европейская гегемония останется пустой мечтой... Стоит ли всего этого красота и невинность дочери?..

Но каким ударом обернётся решение императора для семьи! Какую бурю негодования вызовет оно в обществе! А что скажет и – главное – какими глазами посмотрит на него Елена?

Сердце на миг сжалось от боли. Чтобы не выдать её, Павел закрыл глаза и под пристальным взглядом Наполеона, ужасаясь собственным словам, медленно произнёс:

– Я не могу отдать руку дочери первому консулу республики. Но будущий суверен Франции после коронации и развода с императрицей Жозефиной сможет объявить о помолвке с российской принцессой Еленой Павловной...

Часть первая Кельтский крест

Глава первая

Владимир Ходько

Иван Францевич кашлянул и немного гнусаво (томился насморком) произнёс:

– Знакомьтесь, господа. Полковник Ходько Владимир Анатольевич. Тайный советник Буранов Михаил Михайлович.

Мы обменялись рукопожатием.

– Ну-с, о цели своего визита Михаил Михайлович сообщит сам, – добавил Иван Францевич с некоторым напряжением в голосе. – Беседуйте, господа. Не буду мешать.

С этими словами Нессельроде удалился, аккуратно притворив за собой дверь, а я показал гостю на стул возле моего стола.

– Присаживайтесь. Чай, кофе?

– Зелёный чай, коли есть.

– Отчего же, имеется. Вот и пепельница.

– Благодарю.

Гость положил на стол изящную кожаную папку, неторопливо достал коробку элитных папирос «Царское село» и зажигалку, инкрустированную перламутром. Покуда я возился у чайного столика, размял табак длинными пальцами (на левом безымянном тускло блеснул перстень – яшма, оправленная в серебро), прикурил и выпустил облачко ароматного дыма.

Личный аналитик его Императорского Величества Николая Второго Михаил Михайлович Буранов был человеком незаурядным, загадочным и отчасти легендарным. При этом его роль и служебные функции никак не афишировались. Тайный советник – и всё. Мало ли тайных советников на бескрайних просторах Российской империи? Подписывают бумаги, дремлют в присутствиях и попивают шампанское на придворных балах, поплёскивая золотым шитьём парадных мундиров да бриллиантовой пылью орденов за выслугу лет. Но Буранов... Даже я, полковник Департамента имперской безопасности, со всеми возможными допусками и пожизненной подпиской о неразглашении, знал об этом человеке больше понаслышке.

Когда-то, году этак в 1975-м, он начинал у нас в Департаменте. Много лет резидентствовал на Востоке, переезжая из страны в страну под видом торгового представителя русско-индийской компании. Рассказывали, что был он вхож и в общины йогов, и в тибетские дацаны. Опять же, личный друг далай-ламы... Прославило его (в предельно узких кругах, разумеется) раскрытие и ликвидация британского шпионского гнезда в Пакистане во главе с полковником Лоуренсом.

Сей разведчик в лучших традициях коварного Альбиона готовил мятеж фанатиков-исламистов, имевший целью свержение светской власти и выход страны из Славянско-Азиатского союза. Пакистанские события должны были стать катализатором кризисных ситуаций в соседних государствах. И если религиозно-политический катаклизм на огромном континенте удалось предотвратить, то лишь благодаря скромному торгпреду вкупе с его агентурной сетью. Закрытым указом Буранова наградили высшим военным орденом империи «Витязь России». Награду вручал сам Николай Второй, и после церемонии удостоил героя личной беседы, которая, к лёгкой панике ответственных за протокол, затянулась вдвое против дежурных десяти минут.

Именно тогда император впервые обратил внимание на будущего советника. Государь был проницателен и разбирался в людях. Он не мог не заметить живой ум, энергию, огромный и своеобразный опыт, приобретённый Бурановым на Востоке. А Восток в последние десятилетия внушал тревогу не меньшую, чем Европа... Вскоре бывший разведчик перешёл на службу в Е. И. В. канцелярию, где и числился по сей день каким-то второстепенным столоначальником. Но ведь главное не кем числиться – чем заниматься. А занимался Буранов государственной безопасностью в широком смысле этого слова. Головой – анализатор, интуицией – король сыщиков Холмс, он ежедневно просеивал огромный объем внешних и внутренних сведений, устанавливая взаимосвязь как бы разрозненных фактов. Он первым угадывал угрозы России там, где другие их не замечали. Нередко после его служебных записок на высочайшее имя начиналась энергичная работа Министерства иностранных дел или нашего Департамента.

Именно Буранов за кражей вроде бы второстепенных дипломатических бумаг разглядел попытку польских сепаратистов скомпрометировать Россию и осложнить её отношения с главным стратегическим союзником – Францией. Вычислил опасные технократические тенденции в Республике Берлин, Прусском королевстве и других государствах Германской конфедерации. Предсказал победу партии социалистического реваншизма на парламентских выборах в Британии и оценил возможные последствия этой победы для Европы и мира (не дай бог!). И это лишь то, о чём я слышал или догадывался...

Быстрая мысль Буранова, подобно сторожевому катеру, изо дня в день бороздила информационный океан в поисках рифов, на которые мог напориться корабль Российской империи. Трудно представить, во что оценили бы голову аналитика те, чьи подрывные планы он разрушил. Если бы знали о его существовании, конечно...

И вот теперь эта легендарная личность сидела в моём кабинете – визави, и трудно сказать, кто кого разглядывал с большим интересом.

О таких, как я, говорят: «Без особых примет». Ничего особенного в моём облике не наблюдается, и слава богу: наша служба неброская, так что выделяться яркой наружностью ни к чему. А вот за внешность Буранова взгляд непременно цеплялся.

Если высокой худой фигурой он напоминал йога, то подкрученные усы и бородка на продолговатом смуглом лице делали похожим на Дон Кихота. Хотя внешность обманчива. Не смог бы Дон Кихот собственноручно пристрелить полковника Лоуренса... За худобой Буранова чувствовалась особая, от природы, жилистая сила, которая сплошь и рядом ломит силу искусственную, возвращённую в спортзалах. Лет ему было хорошо за пятьдесят, однако возраст выдавали, главным образом, отметившие лицо и лоб морщины да седина. Во всём прочем тайный советник производил впечатление человека живого и энергичного, пребывавшего в хорошей форме. Впечатление усиливал светло-серый костюм, фасон которого был не лишён молодёжных признаков: приталенный пиджак, узкие лацканы, брюки без отворотов. А приспущенный узел красного галстука в мелкий горошек (весёленький такой) вносил в облик тайного советника нотку легкомыслия. Ни дать ни взять, молодящийся рантье...

О визите Буранова меня ещё с утра предупредил непосредственный начальник – товарищ директора Департамента Иван Францевич Нессельроде, и был Иван Францевич при этом несколько озадачен.

– Ума не приложу, с какой целью он вами интересуется, – честно признался он.

– А он интересуется? – уточнил я.

– Да уж... Затребовал досье, расспрашивал о проведённых делах. У меня даже сложилось впечатление, что имеет на вас некие виды.

– Что?!

Я внутренне напрягся. Служба в канцелярии Е. И. В. считалась престижной, платили там хорошо, карьеры складывались успешно, однако чиновничья стезя меня отнюдь не при-

влекала. Скорее, наоборот. А вот в Департаменте я был занят живым делом и, полагаю, вполне с ним справлялся. Во всяком случае, полковником стал раньше стандартного графика, удостоился двух орденов, и Нессельроде не скрывал, что через три-четыре года видит меня своим преемником.

– Вы уж меня не отдавайте, Иван Францевич, – попросил я как бы в шутку. Хотя какие там шутки! Мы люди служивые. Спустят сверху указание о переводе, и загремит полковник Ходько В. А. приносить дальнейшую пользу Отечеству в канцелярии. А если не согласен, пиши рапорт об отставке и мотай в родную Малороссию, в полузабытое полтавское имение, в котором после смерти отца, почитай, ни разу и не был. Только отчёты управляющего получаю по информационной сети, и раз в три месяца приходят невеликие банковские переводы от него же...

Нессельроде сердито кашлянул.

– Не отдадим, – буркнул он. – Впрочем, скажу откровенно: коли не ошибаюсь, и речь действительно зайдёт о переходе в его ведомство, возражать будет непросто. Это же Буранов... Хотя, какое там ведомство! Он сам по себе министерство. Уж очень своеобразное амплу у человека...

И Нессельроде кое-что рассказал про тайного советника. Его рассказ в сочетании с обрывками моей собственной информации дал богатую пищу для размышлений. Вот почему визита Буранова я ждал с тревожным интересом.

Михаил Буранов

Ничто так не говорит о человеке, как его жилище. А кабинет для офицера-контрразведчика и есть второе жилище. Ненормированный день, порой недели без выходных, вызов к руководству в любое время суток, а если, не дай бог, какой-нибудь форс-мажор, то и переход на казарменное положение... сам служил, знаю. Вот и получается, что кабинетный диван или кресло, предназначенные, вроде бы, для сидения, нередко заменяют постель.

Правда, военная служба в России вознаграждается щедро. Ежемесячное жалованье полковника Ходько составляет никак не меньше трёхсот рублей. С командировочными, наградными и лечебными на круг выйдут и все четыреста пятьдесят. За такие деньги со служебными неудобствами и лишениями мириться можно. Беда лишь в том, что высокое жалованье не заменяет жене мужа, а детям отца. В офицерской среде разводы – дело обычное, и Ходько, увы, не стал исключением. Я это знаю из личного дела. Три года назад жена забрала сына и ушла к врачу-терапевту, который зарабатывает меньше, но времени и внимания уделяет ей намного больше. И, подозреваю, с тех пор кабинет полковника действительно стал для него вторым домом...

Ну, что ж, своё жилище Ходько содержит в порядке. Дело даже не в том, что в кабинете царит чистота, а на столе и светящемся экране анализатора нет и пылинки – на то существует уборщица. Главное, здесь каждая вещь знает своё место. Аккуратно разложены бумаги, письменные принадлежности под рукой, календарь с перечнем текущих дел – перед глазами, три телефонных аппарата удобно расположились на приставном столике слева, книги на полке в шкафу – корешок к корешку... А если прибавить хорошо сидящий на полковнике, безукоризненно отглаженный тёмно-синий костюм с галстуком в тон, то нетрудно предположить, что хозяин кабинета аккуратист и педант, не лишённый, впрочем, творческого начала. Об этом говорят некоторые дела, которыми он занимался.

Например, чётко спланировал и виртуозно провёл оперативную игру, в результате которой в Дагестане были взяты с поличным агенты Федерального управления разведки Северо-Американских Объединённых Штатов. Одновременно было обезглавлено и местное мусульманско-террористическое подполье, поддерживаемое американцами. Наградой для Ходько стало внеочередное звание подполковника.

Недурно поработал он и в САОШ под журналистским прикрытием. Там он открыл корпункт издания «Вечерний Петербург» (слегка обалдевший владелец газеты не возражал, тем более что все расходы по содержанию взял на себя Департамент) и в течение года отправлял из Америки игривые репортажи – кстати, на мой вкус, очень даже неплохие. О главном же, само собой, не напишешь... А заключалось это главное в том, что, используя собственные малороссийские корни, Ходько установил контакт с эмигрантским движением «Великая Украина». Организация эта, щедро подпитанная американцами, долго время изрядно мутила воду в западных украинских провинциях. Отколоть Малороссию от империи, создать отдельное государство, а в перспективе и унию с Польшей – таковы были цели «Великой Украины».

Выдавая себя за представителя львовских сепаратистов, Ходько вошёл в доверие к эмигрантским лидерам. Добытые им сведения помогли арестовать на нашей территории нескольких эмиссаров движения, были найдены склады с нелегальной литературой и оружием, взрывы в администрациях трёх провинций так и не состоялись... А министерство иностранных дел с фактами в руках сделало чрезвычайно жёсткое предупреждение американской стороне, после которого заокеанские спецслужбы были вынуждены резко сократить помощь эмигрантам...

Лет полковнику исполнилось тридцать семь, роста он среднего, и скорее коренаст, нежели строен. В тёмных волосах серебрится ранняя проседь; не красавец (нос подкачал – картошкой). Однако на недостаток внимания со стороны противоположного пола не жалуется (знаю, знаю: личное досье выдало с головой...). Возможно, причиной тому широкие плечи, внимательные карие глаза и квадратный подбородок. На добродушном лице Ходько он вроде бы из другой оперы, зато намекает на твёрдый характер владельца...

Твёрдый характер – в нашем деле условие неременное. И он полковнику сейчас очень даже понадобится. Мало того, что я намерен привлечь его к распутыванию мутной, тёмной и, судя по всему, весьма опасной ситуации, в которой сам пока что ни черта не понимаю. Так ещё и начать разговор придётся с новости для Ходько печальной. Ненавижу сообщать людям дурные вести, но сейчас деваться некуда...

– Как вам чай? – любезно спросил полковник на правах хозяина.

– Благодарю. Очень даже недурён. Привык, знаете ли, на Востоке...

На самом деле чаёк был так себе. Настоящий высокогорный зелёный чай пивал я в гостях у буддийских монахов, и с тех пор напитком этим буквально заразился. Да где ж его взять, настоящий-то, в Петербурге? И не до чая теперь – пора начинать разговор.

Закурив ещё одну папиросу, я откинулся на спинку стула и сказал:

– Полагаю, Владимир Анатольевич, некоторое представление обо мне и характере моей деятельности вы имеете.

– Разве что некоторое, – откликнулся Ходько с чуть заметной улыбкой.

– Ну, это поправимо. Коли придётся работать вместе, познакомимся короче. А работать вместе, судя по всему, придётся. У меня на руках вышестоящее предписание, коим вы временно прикомандировываетесь к моему ведомству. Проще говоря, поступаете в распоряжение тайного советника Буранова Эм Эм. Не возражаете? – не удержался я от риторического вопроса.

Ходько пожал плечами. Лицо стало серьёзным, улыбка исчезла.

– Мы люди служивые... А с какой целью? – спросил он.

– Сейчас объясню. И разговор будет не из коротких... Кстати, как вы посмотрите, если в процессе я буду ходить взад-вперёд? Такой у меня пунктик – думать ногами, – добавил я извиняющимся тоном.

– Да ради бога, – с ноткой удивления ответил Ходько.

Привыкай, полковник, к моим чудачествам, привыкай. Похоже, работать нам с тобой не один день и, скорее всего, не одну неделю. Если и не пуд, то уж полпуда соли схарчить успеем...

Я с удовольствием прошёлся по обширному кабинету полковника, разминая ноги.

– Для вас, конечно, не секрет, что на территории Альбиона действует миссия Организации Объединённых Государств, – начал я.

– Разумеется, – подтвердил полковник.

– А как вы думаете, почему эта миссия работает на постоянной основе?

– Ну, это общеизвестно, – сказал Ходько с некоторым недоумением в голосе. – Подробностей не помню, тема не моя, но, в целом, Альбион относится к числу государств, представляющих угрозу для человечества. За двести лет после Парижского трактата развязал две европейские и две мировые войны. Все четыре проиграл. Агрессивная внешняя политика, стремление к реваншу, тесные связи спецслужб с террористическими кругами Востока и Азии, вроде бы тайные попытки нарушить Закон об ограничении... ну и так далее. Словом, подлежит особому контролю ООГ. Так?

– Всё так, полковник, – медленно сказал я. – Но это, как вы сами сформулировали, общеизвестное. А за последние годы проявились новые тенденции, которые в совокупности делают ситуацию в Альбионе совершенно непонятной и непредсказуемой. Вот об этом знают очень немногие. Главным образом, те, кто имеет доступ к закрытым рапортам сотрудников миссии ООГ.

– Что за тенденции?

– Об этом чуть позже... А сейчас вынужден сообщить вам тяжёлую новость. Простите меня... – я остановился и посмотрел полковнику прямо в глаза. – Третьего дня в Альбионе погиб офицер-инспектор Организации Объединённых Государств Сергей Добромыслов. Точнее, был убит...

Зрачки Ходько дрогнули и расширились.

– Серёга? – тихо переспросил он, словно отказываясь верить ушам.

Газета «Московские ведомости»

(25 апреля 2005 года)

«Правление русско-индийского торгового акционерного общества подвело итоги минувшего года...

Председатель правления г-н Третьяков сообщил нашему корреспонденту, что коммерческие операции предприятия складывались вполне успешно, и двенадцатимесячный баланс закрыт с большой прибылью. Таким образом, акционеры общества получают рекордные дивиденды – по 5 копеек на каждую простую акцию...

Г-н Третьяков отметил, что с каждым годом номенклатура торговли между Индией и Россией меняется. Если сравнительно недавно львиную долю товарооборота составляли взаимные поставки сырья, то сегодня большей частью осуществляется купля-продажа машин, оборудования, технологий...

Его величество император Всероссийский Николай Второй с похвалой отозвался о деятельности общества: «Торгово-экономические связи – наилучшее средство повышать благосостояние народов, крепить мир и

дружелюбие во всём мире, развивать цивилизацию. Именно поэтому государство Российское всячески патронировало и будет патронировать коммерческие предприятия, чья деятельность проистекает в русле законов и нравственности», – сказал самодержец в беседе с нашим корреспондентом».

Глава вторая

Владимир Ходько

Я вошёл в инфосеть, пробежал пальцами по клавиатуре, и на экране анализатора появились ровные строки текста:

«**Эйвбери** (англ. *Avebury*) – культовый объект, состоящий из мегалитических гробниц и святилищ. Относится к эпохам позднего неолита и ранней бронзы. Находится в графстве Уилтшир, в Альбионе, и получил своё название от находящейся поблизости деревни...»

Ну, не совсем поблизости... Вернее сказать, что деревня находится внутри большого каменного кольца этого самого культового объекта. А почему бы и нет? Его площадь превышает одиннадцать гектаров, здесь легко разместилась бы тысячи и тысячи людей, а в деревне не проживает и двух.

Итак, объект. Представьте огромный круг, опоясанный земляным валом и кольцом каменных глыб, каждая из которых весит от сорока до пятидесяти тонн. Внутри этого круга располагаются ещё два кольца – поменьше, тоже состоящих из гигантских камней. При сегодняшнем уровне техники и то пришлось бы повозиться, а сооружению-то стукнуло пять с половиной тысяч лет! Эйвбери известен меньше, чем знаменитый Стоунхендж, но размерами крупнее, да и возрастом постарше. Вот и спрашивается: откуда в неолите взялись такие Кулибины, что многотонные глыбы воровали? И зачем?

По одной из версий, Эйвбери – сооружение культовое. Что по этому поводу сказано в инфосети? «Вероятно, в самом его центре была расположена статуя бога, которому поклонялись древние люди. Статую своему божеству они выносили и ставили на середину круга, а потом совершали религиозные обряды, нередко включавшие и жертвоприношения. В случае, когда божественная помощь была особенно необходима, жрецы приносили человеческие жертвы. Это предположение подтверждается тем фактом, что при раскопках на территории Эйвбери обнаружены десятки останков древних людей...»

Весёленькое место. Выходит, нынешние жители деревни фактически обитают на месте такого, что ли, допотопного некрополя. (Есть гипотеза, что каменные глыбы внутри большого кольца устанавливали как раз после жертвоприношений или захоронений.) Ну, а в камерах гробницы Вест-Кеннет, расположенной в получасе ходьбы от деревни под стометровым курганом, и вовсе упокоились не менее сорока человек. И это лишь те, кого смогли обнаружить археологи.

Тело офицера-инспектора ООГ Сергея Добромыслова нашли на окраине Эйвбери.

Серёга...

Я со всей силы саданул кулаком по столешнице (бедняга анализатор аж подпрыгнул) и даже не почувствовал боли. Не могу представить. Не могу поверить. Не хочу...

Пять общих лет в академии безопасности сделали нас близкими друзьями, да что там – почти братьями. И если сегодня курсантские годы вспоминаются с удовольствием и радостью, то во многом потому, что рядом всегда – на занятиях, в спортзале, в общежитии, в увольнениях – был Серёга Добромыслов. Тот случай, когда фамилия так здорово раскрывает сущность человека. Или, другими словами, сущность личности вполне соответствует фамилии. Он был потрясающе добр.

Начальник курса подполковник Васютин разводил руками и то ли в шутку то ли всерьёз говорил, что будущему офицеру безопасности надо быть пожёстче. Например, совершенно необязательно всё время исполнять роль палочки-выручалочки и подменять товарищей в несении нарядов по службе. Мало ли кому надо сбегать на свидание или навестить

родственников... Ни к чему также из месяца в месяц раздавать львиную долю стипендии в безответные долги тем же товарищам, которые на его, Серёги, шею сели и ножки свесили... И надо ли стремиться накормить каждую бездомную собаку или кошку, что повстречалась на жизненном пути курсанта Добромыслова?.. Нельзя же всё принимать так близко к сердцу!

Но подполковник Васютин ошибался. При всей доброте и отзывчивости Серёга умел быть жёстким и даже беспощадным. Там, где речь шла о порядочности, он не знал компромиссов. Вот как в случае с нашим однокурсником Вадимом Телепиным.

Этот здоровый красивый парень, один из лучших в учёбе, одно время с нами даже приятельствовал. До тех пор, пока не выяснилось, что у него роман с очаровательной белокурой официанткой офицерской столовой Наташей. И не просто роман, а роман с продолжением в виде Наташиной беременности. Как только в академии поползли слухи, Телепин мгновенно оборвал все связи с несчастной официанткой, делая вид, что к будущему ребёнку никакого отношения не имеет.

Но однажды перед отбоем он зашёл к нам в комнату и по-приятельски попросил Сергея поговорить с девушкой. Зачем, спрашивается? А чтобы предложить ей сделать аборт. Ну и, конечно, хорошие деньги – отступные. Богатые родители не поскупились бы. В ближайшее время пятеро курсантов-отличников должны были ехать в Париж на трёхмесячную стажировку в «Сюрте женераль», Телепин состоял реальным кандидатом в группу, и скандал мог поездку зарубить. Да и вообще до распределения рукой подать...

В общем, Серёге предлагалось выступить посредником и разрулить ситуацию. Отзывчивый Добромыслов подходил на эту роль идеально. Но обычно безотказный, он неожиданно взбрыкнул.

«Какие там отступные? – хмуро сказал он, исподлобья глядя на красавца Телепина. – Ребёнок твой, ну так женись, и все дела». Вадим, развалясь на стуле, вздохнул: «Женись на официантке? Ты, Серёга, рехнулся. Я бы, может, и не против, но предки, столбовые дворяне, в гробах перевернутся. И потом, папан с маман мне уже дочку действительного статского советника Голубятьева сосватали. Ни кожи, ни рожи, но – партия! Как только академию осилю, тут же и свадьба... Так что, поможешь? Поговоришь с ней... ну, с этой?» «Нет! – отрезал Сергей. – На подлость не подписываюсь. И тебе не советую. Хотя ты, похоже, уже всё для себя решил...»

Тут бы Телепину и уйти. Но разъярённый неожиданным отказом Вадим поднялся, сунул руки в карманы и озабоченно спросил: «А что это ты так за неё сердце рвёшь? Не зря, выходит, мне про вас хорошие люди шепнули?» «Ты о чём?» «Да всё о том же... Вроде бы ухлёстывал ты за ней и даже не без успеха. Я-то летом после экзаменов домой отчалил, а тебя Васютин задержал на неделю, и ты в столовую зачастил. Тут у вас всё и закрутилось. Вот и спрашивается: а чей ребёнок? По времени-то совпадает...» Мой друг тоже поднялся. «За ложь ответишь», – негромко сказал он. «Это каким же образом?» – насмешливо осведомился Вадим.

Здоровяк Телепин переоценил свои силы. Он был крепче и тяжелее Серёги, но мой друг успешно занимался русским боем и мгновенно это продемонстрировал. Полетев на пол от хлёсткого прямого в челюсть, Вадим, тем не менее, тут же вскочил и кинулся в драку. Кажется, никогда до этого я не видел на человеческом лице такой ненависти. В этот миг он хотел убить Серёгу, это точно.

Прежде чем я выпрыгнул из постели и кинулся их разнимать, Телепин неистово вцепился в Добромыслова. Лишь парой жёстких ударов в болевые точки Серёга смог освободиться от опасного клинча и перешёл в контратаку. Впрочем, ему тоже досталось изрядно. Когда вместе с прибежавшими на шум ребятами мы наконец-то смогли их растащить, оба выглядели плачевно: ссадины, синяки, порванная одежда... «Попомнишь, Добромыслов!» –

выдохнул Вадим сквозь разбитые губы. «Пошёл вон, подонок!» – в тон ему ответил Серёга. И еле отбил удар вырвавшегося из наших рук Вадима...

В ту ночь мы долго не спали. Я воспитывал друга: «Какого чёрта ты начал морализировать? Ещё проповедь бы ему зачитал... А просто отказать было в лом?» «Подлецов надо учить», – отрубил Серёга, прижимая мокрый платок к подбитому глазу. «Каждую сволочь учить, никакого здоровья не хватит!» «Так он же, гад, девушку позорит. Будет болтать, вообще искалечу. Чтобы ни одна дура больше на такого урода не позарилась!» Задумавшись на секунду, он вдруг хмыкнул: «И вообще... Может, во мне классовая ненависть разыгралась! Тащить официантку в постель, стало быть, столбовому дворянину в самый раз, а вот жениться – «предки в гробу перевернутся»... А я, между прочим, сам из разночинцев!»

Скандал замяли. Да, в общем, никакого скандала и не было. Не считать же скандалом обоюдное мордобитие? Телепин-старший навестил начальника академии, просидел у него час, и они о чём-то договорились. Телепин-младший вскоре отбыл стажироваться в Париж. Наташа уволилась и куда-то уехала. По-моему, ей объяснили, что так будет лучше для всех – взять деньги и уехать... Точка. Но подполковник Васютин через пару дней после драки без всякой причины вдруг остановил Серёгу в коридоре, пристально посмотрел в глаза и уважительно, по-свойски потрепал по плечу. И с тех пор перестал ворчать насчёт избыточного добродушия моего друга...

Как водится, после выпуска судьба разбросала. Я уехал служить сначала в Прибалтику, потом на Кавказ, а к тридцати годам, уже майором, был переведён в центральный аппарат Департамента. Не буду скромничать: взяли меня отнюдь не за красивые глаза. Несколько удачно проведённых дел позволили занять место, которое многие добиваются с помощью знакомств и связей. У меня их отродясь не было, да и откуда? Родом я из мелкопоместного малороссийского дворянства, отец с матерью всю жизнь прожили в Полтавской губернии и там же, в собственной деревушке, упокоились... У бывшей супруги Ларисы, дочери инженера и домохозяйки, со связями тоже негусто. Но я, в общем-то, из-за этого не переживал.

Во-первых, офицер безопасности в Российской империи уважаем обществом и хорошо вознаграждается государством. Так что, независимо от места службы, ты гарантированно в порядке. Во-вторых, для меня работа в разведке всегда была делом по душе. Лариса перед разводом сказала, что в каком-то смысле я извращенец: служба заменяет мне радости жизни. Тут она, конечно, перегнула, но доля истины в этом есть. Во всяком случае, знакомый врач из нашей медкомиссии как-то сказал, что по менталитету и психофизическому складу я отлично подхожу к своему роду деятельности. И начальство, добавлю от себя, это видит... Так что всё по-честному.

Карьера Серёги Добромислова сложилась тоже удачно, однако в другом роде. Ещё в академии он выделялся редкой способностью к языкам. На французском и немецком Серёга объяснялся вполне свободно, для расширения кругозора в свободное время прилично изучил итальянский и испанский, подбирался к арабскому. Но его коньком был английский. На нём он говорил без акцента, увлекался британской историей и культурой и даже одно время, подражая настоящему джентльмену, курил трубку.

Я как-то спросил, не жалко ли ему гробить личное время на шлифовку произношения, когда за стенами академии раскинулся во всём великолепии Петербург? И девушек в любом клубе немерено, и размер стипендии позволяет сидеть в кафе, и начальник курса не отказывает достойным курсантам в увольнительных записках... На это Серёга с истинно британским хладнокровием ответил: «Врага надо знать в лицо». И, кивнув на потрёпанный том под названием, как сейчас помню, «Британские хроники с древнейших времён до наших дней», добавил: «А также изнутри».

И ведь как в воду глядел! На него положил глаз иностранный отдел Департамента, и вскоре после окончания академии Серёга поехал работать помощником пресс-атташе рос-

сийского посольства в Лондоне. (Есть у нашего иноотдела не оригинальная традиция – засылать сотрудников за рубеж под видом дипломатов, журналистов, торговых представителей. На себе испытал, знаю... Все разведки этим грешат, и мы не хуже.) Чем Серёга там занимался, могу лишь гадать. Но судя по тому, что дипломатический ранг моего друга неуклонно рос, и в конце концов он дослужился до советника-посланника (а в нашем ведомстве – до подполковника), карьера складывалась неплохо. Четыре года назад Серёга перешёл в аппарат Организации объединённых государств и продолжил службу в Альбионе офицером-инспектором ООГ по квоте Российской империи.

Все эти годы мы виделись редко – служба! Иногда я ему звонил в Лондон, иногда он мне в Петербург, вот и всё. Но уж когда встречались, то общение шло по полной программе. Серёга с женой и детьми приезжал в отпуск, я брал в охапку своих, и мы куда-нибудь стартовали на двух машинах. Как правило, паломничали в Сочи, Геленджик или Крым. А там – солнце, море, вино, шашлыки и, конечно, разговоры. Мы хотели наговориться на весь год до следующего отпуска. Причём два разведчика обсуждали всё что угодно, кроме службы. По умолчанию на эту тему существовало табу. Дружба дружбой, но подписку о неразглашении никто не отменял. Да и можно хотя бы раз в двенадцать месяцев не думать о работе?!

И всё же как-то раз, год назад, мой друг табу некоторым образом нарушил. В один из поздних вечеров, когда женщины с детьми уже отправились на покой, мы сидели на берегу моря и пили «Цинандали» из горлышка, словно в годы курсантской юности, передавая бутылку из рук в руки. Украдкой спустилась тёплая южная ночь, мелкие волны застенчиво целовали песок пляжа, слегка хмельное настроение было великолепным, хотя и с ноткой грусти: через три дня отпуск заканчивался. И тут Серёгу вдруг прорвало.

Он признался, что с каждым годом возвращаться в Лондон ему всё труднее. «Вот те раз! – легкомысленно изумился я. – При твоём-то увлечении Британией? Хотя за столько лет, конечно, могло и надоест... Ну, так пиши рапорт, пусть возвращают в Россию. Хочешь, с Нессельроде переговорю? По-свойски, неофициально». «Да нет, не в том дело». «А в чём же?» «Понимаешь, нас там ненавидят всё сильнее и сильнее...» «Не понял, – сказал я в недоумении. – Кого это «нас»? И почему?»

Тогда-то старый друг мне кое-что сообщил. Служебных тайн он не раскрывал, но если в газетах, на радио или видеоканалах эта информация и фигурировала, то лишь в виде разрозненных новостных обрывков. А концентрированное изложение вкупе с анализом ситуации создавало кумулятивный эффект. Я слушал, и слова друга вышибали из головы хмель...

То, о чём Буранов поведал вслед за сообщением о гибели Серёги, я уже отчасти знал из поразившего меня рассказа годичной давности. Михаил Михайлович говорил, ненавязчиво, но цепко прощупывая взглядом, а у меня перед глазами всё стояло лицо друга, каким запомнилось в ту тёплую южную ночь: отрешённое, бледное, усталое, словно и не было отпуска... Словно в предчувствии участи...

Михаил Буранов

Выдержки полковнику не занимать. «Серёга?!» – только и выдохнул он, узнав о гибели друга. Да ещё глаза невольно прикрыл, и лицо на миг искривилось гримасой мучительного недоумения. И всё. Во время дальнейшего разговора он держался молодцом: был внешне спокоен, подавал реплики, о чем-то спрашивал. А ведь с покойным Добромысловым их связывала не просто дружба – скорее братство. И я не сомневался, что видимое спокойствие скрывает и душевную боль, и сумбур в мыслях, и эмоциональную бурю. Что ж... Умение держать удар есть непременно свойство профессионала. Ходько этим свойством владел.

Итак, разговор.

Помолчав с минуту, я мягко сказал:

– Владимир Анатольевич, я понимаю, насколько вам тяжело узнать о гибели близкого друга. Сочувствую всей душой, и будь моя воля, я бы перенёс нашу беседу на другой день. Но ситуация складывается таким образом, что о некоторых делах нам лучше поговорить уже сегодня, не теряя времени.

– Я весь внимание, – ровным голосом сообщил Ходько и, выдержав небольшую паузу, добавил: – Что касается личных переживаний, то они к делу не относятся.

Прозвучало довольно отчуждённо, однако я не обиделся. В старину гонцов с плохими вестями вообще убивали... Разве я не понимал, что больше всего полковнику сейчас хочется остаться одному? А ведь я ещё не показал фотографии несчастного Добромыслова, полученные по информационной сети – духу не хватило, что ли. Страшные фотографии. Страшные и непонятные... Но дело есть дело, и оно приоритетно. Тем более что тема, с которой аналитик Буранов нанёс визит разведчику Ходько, не терпит отлагательства. Боюсь, что уже не терпит...

Вот только с чего начать?

Сосредоточиваясь, я подошёл к распахнутому по случаю хорошего дня окну и выглянул наружу. Здание Департамента располагалось на Литейном проспекте. С высоты десятого этажа хорошо просматривалась Нева, синюю гладь которой бодро утюжили нарядные прогулочные теплоходы. Заканчивался май, погода стояла по-летнему жаркая, и речные жёлто-песочные пляжи уже вовсю принимали купальщиков. Хватало и рыбаков, чьи лодки и катера пёстрыми островками усеяли воду поодаль от берега.

Я невольно вспомнил, сколько усилий затратил в 1985 году тогдашний премьер Нарышкин, чтобы убедить императора и Думу принять общероссийскую программу очистки рек от промышленных и коммунальных стоков. И если молодой в ту пору Николай с доводами премьера согласился быстро, то Дума упиралась до последнего. Шутка ли – тратить по четыреста миллионов рублей ежегодно в течение тридцати лет! Почти столько же стоит содержать полицию в масштабе России... Однако императора пленил масштаб и благородство замысла: сберечь природу для грядущих поколений. И он лично провёл законопроект Нарышкина через Думу. Потому-то, спустя двадцать лет, невскую воду можно пить без риска подцепить расстройство желудка, рыба водится в изобилии, и притом речное дно облюбовали раки. А эти членистоногие в грязной воде просто не выживают...

– Наша тема – Альбион. Давайте, полковник, начнём с самого что ни на есть начала, – произнёс я, не оборачиваясь. – Так сказать, ab ovo.

– С яйца так с яйца, – бесстрастно согласился Ходько.

– И прошу не удивляться повторению некоторых общеизвестных фактов. Просто они лежат в основе сегодняшней ситуации, которую нам с вами предстоит прояснить...

Я вернулся к столу, присел и, допив остывший чай, закурил очередную папиросу (что-то много стал курить – нынче уже десятая, не меньше).

– Как вы знаете, Парижский трактат был подписан в 1805 году, – заговорил я. – К тому времени противостояние с франко-российским союзом Англия проиграла вчистую и бесповоротно. Она потеряла Индию и европейские рынки сбыта. Протекторат Наполеона и Павла Первого над континентом подорвал её экономическую и финансовую мощь. Объединённые морские силы России и Франции систематически били непревзойдённый английский флот. К тому же Нельсон погиб ещё в 1803 году, а равных ему флотоводцев у Британии не нашлось. Словом, к моменту предъявления ультиматума Англия была обескровлена...

Сделав паузу, я искоса посмотрел на полковника. Его лицо не выражало никаких эмоций, он просто слушал, а о чём думал – бог весть.

– Франко-российский союз устанавливал рамки дальнейшего существования Англии, – продолжал я. – Предельное количество боевых, торговых и рыболовецких судов, сокращение сухопутных войск, жёсткие экспортные квоты, запрет на создание колоний в

иных частях света... ну и так далее. В сущности, акуле намеревались вырвать зубы. В то же время каких-либо вторжений во внутреннюю политику Англии ультиматум не предусматривал, да и вообще император Павел убедил Наполеона, что уж совсем загонять сломленного врага в угол неразумно. Впрочем, для гордого Альбиона и всего перечисленного оказалось предостаточно. И если в итоге король Георг вместе с премьером Питтом-младшим всё-таки подписали Парижский трактат (другими словами, капитуляцию), то лишь потому, что в противном случае Британские острова были бы немедленно оккупированы. Никаких особых препятствий к этому не существовало, армии союзников стояли наготове... Владимир Анатольевич, может, ещё по чашке?

– Сейчас организую, – откликнулся Ходько, поднимаясь. – А вы пока продолжайте, я внимательно слушаю.

– Ну-с, дальнейшие события показали, что проиграть и стать на колени – вовсе не одно и то же. Англия с поражением не смирилась. Пресловутое британское упрямство и память об утраченной европейской гегемонии сделали своё дело: идея реванша в общественном сознании стала доминирующей и передавалась из поколения в поколение. Слепая неприязнь или даже ненависть к французам и русским превратилась в черту национального менталитета.

Во что это вылилось на практике? В 1865 и 1893 годах Англия при поддержке Австрии, Италии, Швеции, Польши, ряда государств Германской конфедерации провоцирует общеевропейские войны. Я уже не говорю о неоднократных попытках физически устранить правителей России и Франции. Одно восстание январистов в 1825 году, оплаченное британской казной, чего стоить... Из обеих войн союзники вышли победителями, и Альбион за своё неразумное, преступное упорство понёс наказание. В конце XIX века его искусственно расчленили: Ирландия и Шотландия получили независимость, которой, впрочем, уже давно добились. Тогдашнего премьера Вильсона и главнокомандующего английской армией Квотера за развязывание войны судил объединённый трибунал союзников и приговорил к пожизненному заключению...

Казалось бы, Англия окончательно сломлена. Хотя почему «сломлена»? У неё оставалось всё необходимое и достаточное для нормального мирного развития и достойной жизни. Налаженная промышленность и устойчивые финансы, продуктивное сельское хозяйство, возможность торговать со всем миром... На остров свободно приезжали туристы, английских писателей издавали в десятках стран, работали научные лаборатории... Да множество государств на Земле сочли бы такие условия существования куда как завидными! В сущности, Россия и Франция ограничивали Англию только в стремлении возродить былую военную мощь и доминировать в Европе. Во всем прочем она жила так, как считала нужным. И хотя после войны 1893 года союзники – в ту пору императоры Александр Первый и Наполеон Четвёртый – решили контролировать внутреннюю ситуацию в Альбионе более жёстко, решение это осталось на уровне намерений. К сожалению, монархи сочли, что отныне британская угроза осталась в прошлом. Как показала жизнь, совершенно зря!

Приняв из рук Ходько чашку чая и сделав глоток, я поднялся и принялся ходить по кабинету взад-вперёд. Привычка – вторая натура...

– Признайтесь честно: утомил? – осведомился я, выдержав паузу.

– Ничуть, – откликнулся тот. – Скорее, заинтересовали.

– Вот как? И чем же?

– А вы за десять минут изложили половину учебника по новейшей истории, – пояснил Ходько с вымученной улыбкой.

– Я старался... Ну-с, продолжим. В 1925 году разразился новый конфликт, на этот раз мирового масштаба. Вы знаете, что именно в тот период в России резко возросла внутренняя коммунистическая угроза, и последователи экономиста Маркса в конце концов организовали красный путч во главе с адвокатом Ульяновым. На британские деньги, как потом

выяснилось. Ликвидация путча потребовала таких усилий, что какое-то время до внешних дел просто-напросто не доходили руки. И, к стыду союзнических спецслужб, тайную коалицию Англии с Северо-Американскими Объединёнными Штатами они проморгали. Даже не то что проморгали... Словом, в такое вероятие никто просто не верил. И, тем не менее, оно осуществилось. В конце девятнадцатого – начале двадцатого веков американцы, вроде бы мирно сидевшие за океаном, исподволь нарастили военную мощь, которая позволила им реально претендовать на общемировой передел колоний. Но чтобы подорвать франко-российскую гегемонию, был необходим европейский союзник. И Штаты нашли его в лице жаждущей реванша Англии.

Потом, когда война закончилась, из документов и свидетельских показаний стало ясно, что именно она сыграла роль детонатора. Тогдашний британский кабинет разработал поэтапный план военных действий. Он предусматривал и американский десант на атлантическое побережье Франции, и блокаду Петербурга со стороны Балтийского моря с последующей высадкой оккупационного корпуса, и захват Индии англо-американскими войсками... Много чего предусматривал. И в течение первых месяцев войны обстановка складывалась в пользу англо-американских сил. Чтобы победить их, понадобились ресурсы практически всей Европы, подконтрольной России и Франции. Война длилась более трёх лет и закончилась полным разгромом Англии, Америки, а также их союзников из числа небольших европейских стран, недовольных франко-российским протекторатом. Остатки американских войск убралась за океан на уцелевших кораблях...

– Не понимаю, – сказал вдруг Ходько.

– Чего именно, Владимир Анатольевич?

– Я как-то не задумывался, но ведь странно же... Не самое крупное островное государство с ограниченным потенциалом – и столько проблем, столько беды из-за него... Почему?

Я пожал плечами:

– Дело не только и, может быть, не столько в самой Англии, сколько в общемировой ситуации. С одной стороны, вот уже два века существует франко-российский комплот, опирающийся на многочисленных союзников. Прямо или косвенно он контролирует львиную долю стран, территорий и населения Земли, доминирует в Организации Объединённых Государств. Однако при всей военной мощи союз делает ставку не на неё, а на развитие глобальных партнёрских отношений. Отсюда торгово-экономические и культурные связи буквально с каждым уголком планеты. Помните, как говорил Александр Четвёртый? «Меняю двух генералов на одного купца»... Природные, финансовые и технологические ресурсы союза таковы, что позволяют оказывать сверхльготную помощь странам и Африки, и Азии, и Латинской Америки. Это сознательная политика: плодить друзей, а не врагов.

С другой стороны, за последние полвека сформировался тихоокеанский альянс, враждебный России и Франции. Америка и Япония чувствуют себя ущемлёнными. Нельзя сказать, что им не дают хода в ресурсные регионы, отнюдь. На Ближнем Востоке, например, нефть добывают и «Джапан ойл», и «Амэрикен петролеум». Однако большинство арабских правительств ориентируется главным образом на франко-российский союз, так надёжнее и выгоднее. Вот вам уже минимум две крупные державы, озлобленные против нас. И, к сожалению, в своей неприязни они отнюдь не одиноки. Таким образом, четырёхлетняя вторая мировая война, разразившаяся в 1959 году, собрала против нас довольно сильную коалицию. И вновь начала её Британия, чувствовавшая за спиной враждебную России и Франции мощь. Да и она сама на этот раз подготовилась как никогда хорошо...

Владимир Ходько

Сам я этой войны не застал: англо-японо-американскую коалицию разгромили за пять лет до моего рождения. Но о второй мировой напоминало многое. Отец, например, до конца

жизни хромал и прибалывал. Всю войну капитан Ходько прошёл в составе ударной десантной дивизии без единой царапины, однако напоследок, при штурме Лондона, был ранен в ногу и грудь, так что сине-белое знамя франко-российского союза водрузили над Тауэром без него...

Или помню, как десятилетним пацаном с группой от гимназии приехал на каникулах в Петербург, и на экскурсии показали нам разрушенный Исаакиевский собор. Он и по сей день стоит, искалеченный американскими бомбёжками – со снесённым куполом, в пробоинах, закопчённый дымом пожарищ. Высочайшим повелением мёртвый собор был сохранен зримой памятью о войне. А рядом возвели новый – по старинным чертежам, извлечённым из уцелевших архивов...

Слушая Буранова, я невольно увлёкся. Не то чтобы я уж такой поклонник истории, просто люблю, когда сложные материи излагают чётко, ясно и сжато. А у Михаила Михайловича это получалось.

– Противостояние было глобальным как никогда, – продолжал он. – Если эскизно, то Англия, Америка, Япония, часть скандинавских государств – с одной стороны. Россия, Франция, Индия, западно- и восточноевропейские союзники – с другой. Арабские страны, Австралия и Китай сохраняли нейтралитет. Или, если угодно, выжидали, чья возьмёт, чтобы примкнуть к победителям...

Наша ситуация осложнялась тем, что между первой и второй мировыми войнами Англия активно и абсолютно негласно развивала военно-техническую отрасль. В научные разработки вкладывались огромные деньги, английские и американские учёные сотрудничали самым тесным образом. Как результат, в первые два года войны британские аэромашины «Ганновер» доминировали в воздухе, подводные лодки серии «Биг фиш» были на порядок лучше французских, танки «Легион» всю утюжили российский и европейский театры военных действий. Кроме того, у противников имелось превосходство в качестве самоходного и стрелкового оружия. Во многом поэтому первую часть войны мы проиграли. Были оккупированы Париж и Москва, американцы блокировали Петербург, японцы высадились на Дальнем Востоке и стремительно продвигались вглубь. Британский военный лидер Скотт Маклейн пообещал выкинуть кости Павла Первого и Наполеона Бонапарта на помойку...

Глядя на Буранова, я подумал, что он-то, в отличие от меня, войну встретил подростком лет тринадцати-четырнадцати и, может быть, даже в конце успел немного повоевать. Призывали-то и семнадцатилетних. Не потому ли о Второй мировой он говорил с ноткой горечи, как говорят о пережитом лично...

– Аэромашины, танки, подлодки – это полбеда, – сказал я, пока Буранов допивал чай. – Счастье, что британцы не довели проект массового поражения. И без того положили со всех сторон пятьдесят миллионов человек, а чем кончилось, если бы атомные бомбы появились хотя бы к концу войны? И в чью пользу кончилось?

Буранов остро взглянул из-под густых тёмных бровей и пригладил бородку.

– Ключевой вопрос, Владимир Анатольевич, – согласился он. – Вообще, вторая мировая имела глобальные последствия. Да, Британия была разгромлена и оккупирована войсками союзников, равно как и Япония. Да, американцы после нашего прорыва на Аляске срочно согласились заключить сепаратный мир... Победа была безоговорочной, только цена оказалась неприемлемо высокой. И, вы правы, могла стать ещё выше...

Именно поэтому в 1964 году была учреждена Организация Объединённых Государств. Её Высший Совет составили Россия, Франция, Индия, Италия, Китай. Пётр Четвёртый и Наполеон Седьмой настояли, чтобы в некоторых странах, представляющих потенциальную угрозу для человечества, были введены постоянные миссии ООГ. Их задача заключалась в том, чтобы отслеживать и контролировать внутренние процессы. Проще говоря, не промор-

гать подготовку к новой войне, как было дважды. Список особо опасных государств открывался Англией. С тех пор британская миссия ООГ была и остаётся одной из самых многочисленных, и комплектуется исключительно опытными сотрудниками. Такими, как ваш покойный друг... – негромко закончил Буранов.

В груди снова стало невыносимо тяжело. Я поднял глаза на Михаила Михайловича.

– Покажите мне его фотографии. Ну, те, которые были сделаны на месте... – услышал я себя словно со стороны.

Брови советника взметнулись.

– А почему вы решили, что они у меня есть? – осторожно спросил он.

– Да потому что!.. Вы, как я понял, всерьёз занялись этим делом, стало быть, запросили всю возможную информацию. Не могли вам не переслать эти фото. Покажите...

Поколебавшись, Буранов открыл папку и достал несколько цветных фотографий, распечатанных на белоснежной китайской бумаге.

Я долго рассматривал их. Потом отложил в сторону. (Не знаю, что творилось на лице, но Буранов глядел на меня с сочувствием и некоторой тревогой.) Достал из тумбы стола бутылку коньяку и рюмки.

– Помянем государева человека и моего друга Сергея Петровича Добромыслова, – произнёс я непослушными губами.

Из Устава Организации Объединённых Государств:

Глава 5, раздел 7. Государства-члены Организации наделяют ООГ правом издавать законодательные акты. Правом законодательной инициативы обладает каждое из государств...

Законопроекты, внесённые на рассмотрение очередной сессии ООГ, принимаются и обретают силу закона, если за них проголосовали не менее $\frac{3}{4}$ от списочного состава государств-членов Организации. Законы ООГ носят надгосударственный характер и обязательны для исполнения всеми членами Организации...

Государство-член Организации, не исполняющее или прямо нарушающее закон (законы) ООГ, подвергается санкциям экономического, административного или военного характера. Решение о наложении санкций принимает Высший Совет Организации простым большинством голосов...

Трёхкратное неисполнение или прямое нарушение государством-членом Организации закона (законов) ООГ влечёт за собой его безусловное исключение из Организации. При этом государства-члены ООГ разрывают с исключённым государством все виды отношений...

(Принято 25 сентября 1964 года. Штаб-квартира ООГ, Париж.)

Глава третья

Владимир Ходько

В тот день мы с Бурановым о делах больше не говорили. Помянули Серёгу Добромыслова, на том и разошлись. Михаил Михайлович понял, что сегодня со мной каши не сварить, и перенёс дальнейший разговор на завтра, за что я ему был душевно признателен.

Домой я уехал непривычно рано: очевидно, Нессельроде уже знал о случившейся беде и отпустил без звука. Настроение было совершенно подавленное. Вообще-то депрессии для меня абсолютно нехарактерны, уж такой сбалансированный человек. Но сейчас перед глазами стояли фотографии, сделанные британскими криминалистами на окраине Эйвбери.

Обезглавленное обнажённое тело, распостёртое на бурой каменистой земле, сквозь которую пробивается редкая зелёная трава. Вытянутые в струнку руки и ноги, словно покойник тщится принять позу по команде «смирно». И – голова. Голова, отделённая от туловища и лежащая на груди. Лицо у Серёги в смерти совершенно спокойное и даже умиротворённое, с полуприкрытыми глазами. Такие лица бывают у людей, которых убили неожиданно и мгновенно. Шею в районе среза, словно тёмно-красный обруч, опоясывает кольцо запёкшейся крови. А на голой груди грубо вырезан крест, в середине которого круг.

Кто это сделал? Почему моего друга убили и надругались над телом? Кому он помешал?

И что ему вообще понадобилось в этом богом забытом месте?

Насколько мне известно, офицер-инспектор ООГ – должность своеобразная. Фактически он находится в свободном поиске. Он должен знать устроение, общественные тенденции, состояние экономики и промышленности в стране пребывания. Для этого он следит за событиями, общается с людьми и организациями, изучает прессу, ездит по территориям. Контролирует исполнение Закона об ограничении – это уж само собой. И если Серёга в последний день жизни оказался в захолустном графстве Уилтшир, то, стало быть, что-то привлекло его внимание именно там.

Хотя... захолустье захолустьем, но ведь здесь находятся два крупнейших загадочных мегалитических комплекса – всемирно прославленный Стоунхендж и гораздо менее известный, однако более древний и масштабный Эйвбери. Есть ли в этом какая-то связь с гибелью моего друга? Мистикой он как человек здравомыслящий вроде бы никогда не увлекался. И всё же погиб в одном из самых непонятных и таинственных мест на Земле...

Было ясно, что Буранов видит в ситуации нечто большее, нежели смерть отдельного человека. Что именно, до этой темы разговор ещё не дошёл. Зато намерение Михаила Михайловича привлечь меня к расследованию трагедии полностью совпадало с моим желанием. Я задыхался от ненависти, сам не зная, к кому. Ничего так не хотелось, как найти убийцу – или убийц – и разорвать в клочья собственными руками.

Приняв рюмку-другую, за руль я обычно не сажусь, а с Бурановым-то мы выпили целую бутылку. Но сегодня я плюнул на всё. В принципе, удостоверение сотрудника Департамента – железный аргумент в любом споре с дорожной полицией. Избегай происшествий, а на прочее ребята закроют глаза.

Я неторопливо проехал Литейный проспект, свернул на улицу Столыпина, а потом, набирая скорость, рванул по мало загруженному в этот час бульвару имени атамана Платова. Недавно купленный в рассрочку «Стриж» летел синей стрелой, легко и плавно обгоняя менее скоростные «Кабриолеты», «Руссо-франки», «Енисеи». Несмотря на выпитый коньяк, я чувствовал себя уверенно: двадцать лет езды выработали полный автоматизм.

Доехав до своей двенадцатиэтажки, я запарковал машину у подъезда и медленно выбрался наружу. Домой отчаянно не хотелось. Там стоял телефон, с которого надо звонить

в Лондон и говорить с Лизой. Я никогда не умел выражать соболезнование. Не знаешь, что сказать, все слова кажутся лишними, даже фальшивыми... Сейчас для Лизы главное – не сойти с ума от горя. Серёги больше нет, но малолетние Ленька с Настей остались, и жить теперь надо ради них... Кажется, у Лизы ещё здравствуют родители. Я тоже буду помогать, чем только смогу...

На лавочке возле подъезда сидела женщина. По многолетней профессиональной привычке я механически, одним взглядом, снял информацию: молода, рыжеволоса, веснушчатая... Снял и пошёл дальше, доставая на ходу ключ от подъезда. Успел подумать, что никогда не видел её в нашем доме или поблизости.

– Мистер Ходько, если не ошибаюсь?

Вопрос был задан грудным низким голосом и почему-то на английском языке. Я резко обернулся. Поднявшись, женщина приблизилась, и я ощутил горьковатый запах элитных духов «Принцесса Каролина».

– Не имею чести быть представлен, мисс, – произнёс я по-английски же, мгновенно оглянувшись. Возле подъезда находились только мы двое. Поодаль в песочнице, под прищуром бдительных мамаш, возилась окрестная малышня.

– Меня зовут Айрин Мэддокс. Я прилетела из Лондона. Мне надо поговорить с вами.

– О чём?

– О вашем покойном друге Сергее Добромысловце.

Я напрягся. В России о гибели Серёги пока что знали считанные люди. Впрочем, если она действительно из Британии, узнать могла прямо там же, сразу...

В опустившихся сумерках лицо женщины казалось алебастровой маской, и лишь большие тёмно-карие глаза смотрели на меня беспокойно и вопросительно.

– Пойдёмте, – коротко сказал я, открывая подъезд.

Вообще-то жилище сотрудника Департамента для посторонних посетителей не предназначено. Не в том смысле, что у меня холостяцкий беспорядок, а так, на всякий случай... Но не улице же разговаривать.

В лифте мы молча разглядывали друг друга. Я убедился, что женщина не столь молода, как показалось на первый взгляд – лет примерно тридцать пять. Её заметно старили морщины в уголках глаз, бледность лица и длинный тёмный плащ, совершенно лишний в тёплый майский вечер. Во всём прочем она была вполне привлекательна. Веснушки трогательно облепили прямой носик и высокий лоб, уютные очертания скул и подбородка намекали на добрый нрав, и даже ярко-рыжие волосы (неубиенный символ хитрости и коварства!) казались мягкими и пушистыми. А когда в квартире она сняла плащ, оказалось, что он скрывал изящную фигуру с небольшой грудью, узкой талией и длинными ногами.

– Я весь внимание, мисс Мэддокс, – сказал я после того, как усадил нежданную гостью на диван, а сам устроился напротив, оседлав стул. – Или миссис?

– Мисс. Я не замужем... Послушайте, у вас есть что-нибудь выпить?

Внутренне взыв от нетерпения, я достал из настенного бара бутылку «Хэнесси», рюмки, а заодно и пепельницу. И угадал: пока я разливал коньяк, женщина вынула из сумочки пачку дамских сигарет, щёлкнула зажигалкой и торопливо затянулась. Потом так же торопливо, одним глотком, выпила свою рюмку. Было заметно, что мисс Мэддокс пытается любым способом унять волнение.

– Слушаю вас внимательно, – напомнил я, сочтя, что гостя достаточно успокоилась.

Женщина глубоко вздохнула.

– О гибели Сергея вы уже знаете, – полувопросительно-полуутвердительно выговорила она с трудом.

– Знаю, – коротко подтвердил я.

– Где, как, при каких обстоятельствах он погиб, тоже знаете?

– Где и как – да. А насчёт обстоятельств пока ничего не ясно. Вы что-то можете рассказать?

– Я – нет. Вряд ли. Догадки, предположения – это не в счёт. Но, может быть, что-то подскажет письмо Сергея?

Она достала из сумочки белый конверт, на котором Серегиным чётким почерком было написано «Для В.А.Ходько».

Ни хрена себе поворот...

Я машинально взял плотный конверт. Взвесил на ладони. И отложил в сторону. Женщина посмотрела с нескрываемым удивлением.

– Вы не хотите знать, что в письме? – нервно спросила она.

– Очень хочу, – ответил я, закуривая. – И непременно узнаю, чуть позже. Но пока меня интересуют вы. Кто вы? Откуда вы знаете... знали Сергея? Почему это письмо оказалось у вас?

Мисс Мэддокс передёрнула плечами, словно в приступе озноба:

– Ну да... я же толком не представилась. Извините. Я историк, преподаю в Лондонском королевском университете. С Сергеем познакомилась около года назад, когда ему понадобились консультации по древним британским культам, и кто-то посоветовал обратиться ко мне. Это письмо он оставил за день до поездки в Эйвбери... той самой поездки. Сказал, что если с ним что-нибудь случится, письмо надо немедленно передать вам лично. Рассказал о вас, описал внешность, объяснил, как в Санкт-Петербурге найти ваш дом... И вот я здесь. Что ещё вас интересует?

– Меня интересует, – медленно сказал я, – почему он не отослал письмо обычным порядком: почтой, или по дипломатическим каналам, а предпочёл доставку с курьером.

Женщина покачала головой:

– Любую почту в принципе можно перехватить, и Сергей, судя по всему, этого опасался. Письмо предназначено только для вас. А как вы распорядитесь информацией, которая в нем, решать вам.

– Тогда ещё один вопрос. Если уж письмо настолько конфиденциальное, почему он доверил именно вам?

Айрин исподлобья посмотрела на меня.

– Мы были любовниками, – устало и горько сказала она.

Михаил Буранов

Судя по рассказу Ходько, со вчерашней гостьей они проговорили допоздна. Затем он устроил её на ночь в ближайшей гостинице, а поутру отвёз в аэропорт, где и посадил на ближайший рейс в Лондон. Затем полковник позвонил мне, и вскоре мы встретились в его кабинете.

– Ну-с, и что вы об этом думаете? – задал я банальный, однако неизбежный вопрос.

Вместо ответа Ходько протянул мне посмертное письмо Добромыслова.

– Вы сначала прочтите, а потом обсудим, – предложил он. – А я пока чаю сделаю... Читайте, читайте, там почти ничего личного.

Можно подумать, что даже будь письмо совершенно личным, я бы его не истребовал! Служба... Развернув исписанные от руки листы, я стал читать:

«Володя, дружище, привет!

Скажу сразу: если это письмо попало тебе в руки, значит, со мной что-то произошло. Поверь, что пишу отнюдь не в припадке мнительности. После некоторых эпизодов, случившихся за последние несколько дней, я понял, что мне угрожает опасность – непонятная, однако совершенно реальная.

В течение последних трёх-четырёх недель за мной следят. Сначала было простое ощущение, потом превратилось в уверенность, а третьего дня, окажись я чуть проворнее, схватил бы топтуна за шиворот. Классический тип без особых примет... Я замедлил ход, подпустил его поближе и, резко обернувшись, зашагал навстречу. Пора, думаю, поговорить по душам. Тип рванул от меня, как наскипидаренный. Я следом. Топтун добежал до машины, прыгнул внутрь и был таков. Номера́ авто, как и следовало ожидать, ввёртвую заляпаны грязью.

А через несколько дней меня чуть не раздавила неизвестная машина. При этом ни о какой случайности речи нет. Я стоял на тротуаре, она ехала мимо на небольшой скорости, и вдруг водитель круто вывернул руль в мою сторону, да к тому же резко выжал акселератор. Я-то человек тренированный и успел отскочить в сторону, а вот двух подростков, стоявших рядом, негодяй сбил (к счастью, не насмерть), после чего затерялся в общем автопотоке.

Такая песня... Из всего сказанного могу сделать один-единственный вывод: кому-то я мешаю. Мешаю настолько, что меня готовы устранить физически, даже без оглядки на крупный скандал – а из-за гибели офицера-инспектора ООГ он разгорится неминуемо.

Остаётся выяснить, кто на меня охотится. А главное, почему. И если точного ответа нет, кое-какие соображения всё же имеются.

Давай вспомним наш разговор в конце прошлого отпуска. Геленджик, ночь, пляж, бутылка «Цинандали» из рук в руки... Вспомнил?

В Альбионе, как ты знаешь, я проработал двенадцать лет: начинал в посольстве, а четыре года назад перешёл в миссию ООГ. Без ложной скромности могу сказать, что подобных мне экспертов по этой стране в Департаменте нет. Да и в России найдётся немного. Поэтому всё, о чём говорю, можешь воспринимать с полным доверием.

Ты знаешь, что десять лет назад на парламентских выборах впервые победила партия социалистического реваншизма, и с тех пор её лидер Уильям Хэррингтон – бессменный премьер-министр. Социал-реваншисты провозгласили целью возрождение былого величия Англии, выдвинув эпатажный лозунг «Вперёд, в прошлое!».

С чего начал Хэррингтон? Провёл референдум, и восемьдесят пять процентов англичан проголосовали, чтобы изменить привычное название страны. Вот уже почти десять лет бывшей Великобритании нет, есть Альбион. Это древнекельтское название британских островов. Сегодня очень многие англичане с удовольствием, а то и гордостью называют себя альбионцами. Социал-реваншистский лозунг прорастает в умах и становится национальной идеей.

Дальше – больше. В экономической сфере Хэррингтон добивается усиления военно-промышленного потенциала. Америка и Япония активно его поддерживают, инвесторы охотно идут в Альбион, банки щедро кредитуют британские предприятия. Такого интереса к стране не было многие десятилетия. Что значит появился харизматичный лидер! Англия крепнет на глазах. Её силы самообороны достигли предела, установленного Организацией объединённых государств после Второй мировой войны. Из-за океана непрерывно поступает новейшее вооружение. Я, как и мои коллеги, в рапортах-докладах постоянно указываем на активную милитаризацию страны, однако незаметно, чтобы к нам прислушивались. Либо ООГ пока что не видит в ситуации ничего тревожного, либо закрывает глаза на опасные тенденции. А ведь накануне 1959 года положение складывалось примерно таким же образом. И чем закончилось?

Возможно, Высший Совет ООГ убаюкан тем обстоятельством, что, по крайней мере, на территории Альбиона никаких признаков нарушения Закона об ограничении нет. Я сам вместе с экспертами ООГ периодически инспектирую крупнейшие научно-исследовательские учреждения и могу засвидетельствовать: все сколько-нибудь существенные разработки ведутся лишь на теоретическом уровне, новые производственные технологии носят прикладной или просто бытовой характер. Никаких исследований, которые могут быть исполь-

зованы для военных целей (как было в годы Второй мировой, когда англичане за малым не создали ядерное оружие), не обнаружено. И слава богу. Как сказал несгибаемый адвокат Ульянов перед расстрелом за попытку коммунистического переворота: «Ура, товарищи!»

Но ощущение какой-то опасности, какой-то угрозы, вызревающей на земле Альбиона, крепнет во мне год от года. И эта опасность надвигается с необычной стороны, откуда её никто не ждёт. Ощущение инстинктивное, подкреплённое разве что косвенными доказательствами. Однако именно оно гонит в поездку, перед которой я тебе пишу ...»

– Ваш чай, Михаил Михайлович, – негромко сказал Ходько, ставя передо мной чашку и чистую пепельницу.

– Спасибо, Владимир Анатольевич.

Как я вчера заметил, чай здесь не ахти. Но не обижать же гостеприимного полковника отказом! Да и не до чая мне сейчас – похоже, дошёл в письме до самого интересного.

«За последние годы в общественном сознании Альбиона произошёл некий сдвиг. Широко распространился этакий ура-патриотизм, замешенный на идее возрождения национального величия. Журналисты, ораторы, политики (независимо от идеологической ориентации) постоянно апеллируют к старине и традициям. Книжки, спектакли и фильмы о минувших веках в цене как никогда. Король Артур с его круглым столом, Ричард Львиное Сердце, Шекспир, Кромвель, адмирал Нельсон, Скотт Маклейн – все сколько-нибудь значимые исторические личности подняты на щит.

То же самое относится и к личностям легендарным. Общественными кумирами стали – ты только не смейся – древние кельтские жрецы-друиды и средневековый поэт-прорицатель Томас из Эрсилдуна. Возник целый культ мага и чародея Мерлина. На днях я достал из почтового ящика листовку с предложением вступить в «Альянс друзей Мерлина» – каково?

Вообще в Альбионе люто расцвёл мистицизм. Как грибы, расплодилось многочисленных обществ, кружки и прочие объединения, изучающие тайное и запредельное. Их адепты совершают паломничества к Стоунхенджу, предсказывают будущее, вызывают духов, практикуют древние языческие обряды. Чрезвычайно популярными стали так называемые реконструкции – воспроизведение якобы исторических событий. Например, друиды благословляют короля Адальберта на битву с драконом... Но если какое-нибудь движение неодруидов ничего, кроме улыбки, вызвать не может, то общество «Наследие прошлого» – организация вполне серьёзная. Столь же серьёзная, сколь и загадочная.

Почему я обратил на неё внимание? Почему выделил среди многочисленных мистических союзов?

С год назад в «Санди мейл» попала на глаза любопытная публикация. Вот её тезисы. Альбион, некогда покоривший полмира, низведён до положения второстепенного государства. Все попытки вернуть былое влияние и отомстить недругам за унижение обычным (военным) путём провалились. Отныне этот вариант возрождения державы исключён – не выйдет: страна живёт под жёстким контролем ООГ и Закона об ограничении. Но и мириться с нынешним положением альбионцы в подавляющем большинстве не хотят. Следовательно, добиваться реванша нужно иным путём – нетрадиционным.

По мысли автора, известного независимого публициста Питера Дженкинса, очередная мировая война за передел сфер влияния и сырьевых ресурсов неизбежна. И на этот раз в войне победит не тот, в чьих руках будут самые современные технические средства уничтожения. Отнюдь! Победителем станет обладатель наиболее эффективного, однако напрочь забытого и утраченного оружия в виде древних тайных знаний.

Забавный посыл, верно? Можно сказать, на грани бреда... Но дальнейшая аргументация автора заставила крепко задуматься. По его мнению, атмосфера мистицизма в стране насаждается и поощряется исподволь, искусственно. А неисчислимые оккультные организации призваны исполнять роль таких, что ли, золотоискателей. Практикуя из года в год эзо-

терические методики, они рано или поздно натываются на драгоценные крупинки тайного знания. И эти крупинки впоследствии концентрируются в некоем центре. Вопрос: что за центр?

Вот здесь впервые упоминается общество «Наследие прошлого». По информации Дженкинса, это – самая крупная и разветвлённая, однако наименее афишируемая из оккультных организаций Альбиона. Автор утверждает, что именно «Наследие прошлого» контролирует все сколько-нибудь значительные мистические движения в стране, вплоть до участия эмиссаров «Наследия» в их работе. И если НП является тем самым центром, то кто стоит за НП?

Автор этого не знает. Но не исключает, что нить ведёт на самый верх. Ведь социал-реваншистский премьер Хэррингтон уже не раз публично приветствовал деятельность альбионских ревнителев старины и мистики. Дескать, возродив славные традиции, возродим и былую мощь... Вперёд, в прошлое!

В конце статьи Дженкинс обещал продолжить тему и с новыми фактами в руках рассказать читателям о «Наследии прошлого» подробнее.

Не скрою: статья произвела впечатление. Настолько произвела, что я решил побеседовать с автором. Ты знаешь, что полномочия офицера-инспектора ООГ дают мне право запрашивать любую информацию, посещать любые объекты, встречаться с любыми лицами, за исключением членов королевской фамилии, премьера, спикеров палаты общин и палаты лордов – это уже не мой уровень.

Однако встреча с журналистом не состоялась. Причина в том, что Дженкинс – исчез. Просто исчез. Родные объявили его в розыск (который и по сей день ничего не дал). Я встретился с шеф-редактором «Санди мейл» и спросил, не оставил ли Питер Дженкинс каких-либо материалов по начатой теме. Шеф-редактор развёл руками: ничего нет. Журналист исчез раньше, чем представил обещанное продолжение. Тогда я спросил, не собирается ли уважаемое издание само продолжить начатое Дженкинсом расследование? Нет, не собирается.

Во время короткого разговора шеф-редактор откровенно нервничал. Причина этого раскрылась в тот же день. На выходе из редакции меня остановил человек, назвавшийся сотрудником «Санди мейл» Генри Виклендом и другом исчезнувшего журналиста.

За чашкой чая в ближайшем кафе он рассказал, что назавтра после публикации статьи Дженкинса случайно оказался в редакторском кабинете, когда туда буквально вломились четверо. Один из них – издатель газеты лорд Кроуфорд, и, похоже, остальные трое – крепкие ребята в чёрных кожаных пиджаках – попросту его конвоировали. Во всяком случае, вид у лорда был ошарашенный, чтобы не сказать испуганный. Моего собеседника выставили из кабинета. Разговор за закрытой дверью длился не менее получаса, после чего незваные гости удалились, а издатель и шеф-редактор ещё какое-то время совещались наедине.

Ещё через день Дженкинс позвонил Викленду и сказал, что шеф-редактор пригласил его обсудить продолжение темы. «Поговорю с ним, а потом вместе пообедаем, ладно?» «Идёт...» Но в редакции Питер так и не появился. Из дому вышел, а в «Санди мейл» не приехал. Больше его никто не видел... «Тёмная история, – сказал собеседник, глядя исподлобья. – Что за люди были у шефа? Как с ними оказался лорд Кроуфорд? Почему Питер исчез по пути в редакцию, а, скажем, не на вечерней прогулке или после похода в магазин?»

Я спросил, по какой причине он решил мне это рассказать. Парень вздохнул: «Да потому, что никто пальцем о палец не ударил, чтобы найти Питера. Нас даже не допросили. А когда я позвонил в полицию, чтобы узнать о ходе расследования, мне посоветовали не соваться, куда не надо... Вы же из миссии ООГ, с вами на островах волей-неволей считаются. Может, хоть вы пнёте полицейских? Человек же пропал...»

Я оторвался от письма и посмотрел на сидевшего за столом Ходько. У него в руках была копия документа – перечитывал вместе со мной.

– Налицо определённая цепочка, – заметил я. – Сначала – выход статьи; следом – визит в редакцию чернопиджачников; затем приглашение Дженкинса на беседу к шеф-редактору; и, наконец, его исчезновение по пути в «Санди мейл»... Но почему газета отказалась продолжить начатую тему? Если разобраться, пропажа автора, не сочтите за цинизм, отличная реклама для следующих публикаций: «Мы продолжаем расследование, к которому приступил наш исчезнувший коллега...»

– Прибавьте странную пассивность полиции, – добавил Ходько. – Как ни относиться к Альбиону, спецслужбы там работают чётко. Мы-то знаем.

– Мы – знаем... Однако, быть может, ситуация не такая странная, как выглядит на первый взгляд. Если допустить, что Дженкинс в своей статье коснулся запретной темы, да ещё пообещал копать дальше, то остальное вытекает из этого факта. Гости в чёрной коже доступно объяснили руководителям газеты, что новых публикаций о «Наследии прошлого» быть не должно. И велели пригласить журналиста, чтобы проинформировать об этом. На самом деле приглашение в редакцию было не более чем уловка. По пути в «Санди мейл» его перехватили и где-то спрятали... а может и ликвидировали. На всякий случай. Нет автора – нет проблемы...

Правда, следом возникает вопрос: что ж это за организация такая, за одно упоминание о которой похищают или даже убивают? Которая в состоянии запугать влиятельную газету и спустить на тормозах полицейское расследование? Если, конечно, исчезновение Дженкинса не является простым совпадением...

Полковник кивнул.

– Логично, – сказал он. – Серёга рассуждал ровно так же. Можете пропустить пять абзацев и читать прямо отсюда, – он показал карандашом на следующую страницу.

«... В общем, организацией под нейтральным названием «Наследие прошлого» я заинтересовался всерьёз.

Для тебя не секрет, что на территории Альбиона активно работают спецслужбы союза. В случае необходимости российские и французские сотрудники миссии ООГ могут вступать с ними в контакт и просить о помощи или поддержке. Я и попросил собрать всю возможную информацию о «Наследии прошлого». Что же удалось выяснить коллегам? Если соединить полученные из разных источников сведения, картина выглядит так.

Прежде всего, организация вполне легальная. Она официально зарегистрирована министерством юстиции восемь лет назад. Полное название – «Общество по изучению и пропаганде бытовых, культурных и боевых традиций Альбиона «Наследие прошлого». Бессменный директор – отставной офицер-десантник, а ныне почтенный профессор истории Роберт Аткинсон. Личность примечательная, но об этом ниже.

На первый взгляд, общество как общество. Мало ли сегодня в Альбионе организаций, которые объединяют апологетов прошлого? Однако в длинном списке собратьев НП резко выделяется.

Начать с того, что в марте 1997 года профессор Аткинсон удостоился неофициальной аудиенции у его королевского величества Филиппа Третьего. Сам по себе факт не столь уж необычен. Дело в том, что король Альбиона, как и Аткинсон, в прошлом офицер десантных войск. Они оба совсем ещё молодыми лейтенантами участвовали во Второй мировой войне, даже какое-то время дрались против союзников в одном полку. Заняв престол, Филипп Третий не забыл боевых товарищей, иногда встречается с однополчанами, кому-то помогает... В общем, монарх-демократ.

Но эта встреча примечательна двумя обстоятельствами. Во-первых, она состоялась по просьбе Аткинсона – случай редчайший. При всём демократизме, на аудиенции, тем

более неофициальные, Филипп скуп. Во-вторых, встреча шла с глазу на глаз и продлилась более двух часов, что и вовсе беспрецедентно. Дворцовому управлению протокола пришлось на ходу перекраивать распорядок высочайшего дня. В-третьих, общество «Наследие прошлого» было зарегистрировано через месяц после встречи. А как говорили древние римские юристы, «после – значит, впоследствии». И похоже, что создание НП благословил не кто иной, как монарх. Ни больше, ни меньше.

Версию высочайшего покровительства подтверждает и тот факт, что «Наследие прошлого» в средствах явно не нуждается. Его деятельность ведётся на широкую ногу. Казалось бы, много ли нужно оккультному обществу, объединившему энтузиастов-мистиков? Как выясняется, много. Настолько много, что становится ясно: ни о каком энтузиазме (во всяком случае, голом) речи нет. Есть некая серьёзная работа, поставленная на серьёзный фундамент.

По данным наших коллег, в первый же год общество закупило различного оборудования примерно на пять миллионов фунтов стерлингов. Я просмотрел спецификацию закупок. И неспециалисту ясно, что с помощью этой техники можно вести профессиональные исследования в области физики, химии, биологии. Отдельная тема – анализаторы. Приобретено более тридцати машин, и все они достигают предела мощности, установленного Законом об ограничении. Спрашивается, на кой чёрт оккультистам такая прорва научно-технического оснащения?

Да что оборудование! На стыке веков, а точнее, в 2001 году, «Наследие прошлого» завершило строительство собственной резиденции. По отзывам, это семиэтажная башня с претензией на раннеготический стиль, с пристройками и высоким шпилем, на котором развевается флаг с изображением креста, в центре которого – круг. Считается, что это древний знак кельтских друидов...»

Я снова оторвался от письма.

– Вот как! Но ведь, если не ошибаюсь...

– Не ошибаетесь, – хмуро перебил Ходько, не поднимая глаз. – Ровно такой же крест вырезан у Серёги на груди... Вы читайте, читайте.

«В башне легко могут разместиться и работать десятки людей. Там же могут быть устроены лаборатории и вообще всё что угодно. Однако самое интересное не это. Главное – место, в котором воздвигнута резиденция «Наследия прошлого».

В захолустном графстве Уилтшир есть местечко под названием Эйвбери. В информационной сети о нём сведений много, поэтому не буду распространяться. Скажу только, что здесь расположен мегалитический комплекс, который древностью и масштабом заткнёт за пояс прославленный Стоунхендж, хотя известен значительно меньше. В окружении гигантских каменных глыб стоит деревушка Эйвбери. На окраине деревушки и свил Аткинсон своё гнездо.

Почему именно здесь?

Версия первая – личная. Именно в этих местах примерно сорок лет назад лейтенант Аткинсон со своей ротой отбивал атаки российских войск. А после разгрома части, раненый, скрывался от союзников в окрестностях Эйвбери. Спасся, можно сказать, чудом... Я проверил: такой факт в биографии директора «Наследия» существует.

Версия вторая – мистическая. Наряду со Стоунхенджем Эйвбери считается одним из ярчайших символов британской древности. Он уходит корнями в тёмную бездну веков и окутан тайной. Есть легенда, что разгадавший загадку Эйвбери получит в награду невероятную силу и власть над миром... С этой точки зрения строительство резиденции НП именно здесь вполне оправдано. Так сказать, изучают объект в неразрывной связи с самим объектом.

Которая из двух версий справедлива, судить не берусь. Да это и не столь важно. Важна ситуация в целом, а она беспрецедентна.

Боюсь ошибиться, но под видом обычной оккультной организации (мало ли их в Альбионе?) создано и действует некое научное учреждение с мощной исследовательской базой. Собственное здание, разнообразное дорогостоящее оборудование, многочисленный персонал... При этом деятельность «Наследия прошлого» не то что не афишируется – фактически засекречена. Во всяком случае, единственный журналист, написавший об НП, бесследно исчез. А газета, поместившая материал, тут же отказалась от продолжения темы, хотя та обещала стать сенсацией. При этом полиция поисками пропавшего журналиста занимается спустя рукава.

С другой стороны, как только я стал всерьёз интересоваться «Наследием прошлого», за мной началась слежка. А покушение состоялось после того, как я направил Аткинсону официальное уведомление, что намерен проинспектировать его организацию. «После – значит, впоследствии»...

Почему я решил проверить «Наследие прошлого»?

Точного ответа дать не могу. Знаю только, что разобраться в деятельности НП – должен. И поверь, менее всего это праздное любопытство. По совокупности косвенной информации есть чёткое ощущение, что в Эйвбери занимаются делами тёмными и опасными. Вспоминаю Дженкинса, который в своей статье предположил, что «Наследие прошлого» контролирует оккультные организации Альбиона, собирает с их помощью крупинки древних тайных знаний... А если в башне, стилизованной под раннеготический стиль, эти знания исследуют новейшими научными приборами и методами? Ищут возможность их практического применения?

Предположи на минуту, что в своих умозрительных предположениях я не ошибся. Тогда все странности ситуации получают логическое объяснение. И высочайшее покровительство, и покров секретности над НП, и размещение резиденции в одном из самых загадочных мест Альбиона, и попытки убрать любого, кто пытается проникнуть в тайну организации (исчезновение Дженкинса, покушение на меня), и мощное научно-техническое оснащение... Всё становится на свои места.

При этом тема полностью относится к моей компетенции. Как ты знаешь, главная задача миссии ООГ в Альбионе – не допустить возрождения военного потенциала страны-зачинщицы четырёх войн и, в этой связи, жёстко контролировать исполнение на её территории Закона об ограничении. Но если я прав, то, не нарушая Закон формально, Альбион руками НП пытается получить сверхоружие в совершенно неожиданной сфере. И я не могу закрывать на это глаза.

Какими силами я намерен проинспектировать «Наследие прошлого»?

Увы, собственными, и только собственными. В другое время я мог бы располагать всеми возможностями миссии, но теперь...

Три месяца назад начальник российского сектора миссии генерал Терентьев вышел в отставку по возрасту. Исполнять его обязанности назначили меня, и я даже думал, что утвердят окончательно. Однако два месяца спустя в Лондон прибыл новый руководитель сектора, полковник Телепин. Вадим Викторович. Тот самый Вадим, коему я однажды в академии в твоём присутствии набил морду. Хотя, справедливости ради, и сам тогда огрёб по полной программе... По-прежнему здоров, красив, разве что поседел малость».

Я в очередной раз оторвался от письма.

– Кто такой Телепин? – спросил я Ходько.

– Сукин сын, – ответил тот сквозь зубы. – Наш однокашник. Крутил роман с официанткой, а когда та забеременела, сразу сделал вид, что он здесь ни при чём. Да ещё и облил девушку грязью. Вот Серёга его и проучил за подлость... Хорошо взлетел! И сорока нет, а должность генеральская. Что значит тесть.

– А кто у нас тесть?

– Тайный советник Голубятьев. Товарищ министра иностранных дел.

Голубятьев – это серьезно. До чего тесен мир! Именно Виктор Геннадьевич в своё время пытался поставить меня в стойло официальной службы, подчинить министерству в своём лице и даже заручился поддержкой премьера. Когда бы не категорический запрет императора... Я вздохнул и вернулся к письму.

«Судя по холодному, подчёркнуто официальному обращению, Вадим ничего не забыл. И хотя никаких гадостей не чинит (по крайней мере, пока), всем видом показывает, что меня лишь терпит. И чёрт бы с ним! Беда лишь в том, что рапорт-доклад с предложением проинспектировать «Наследие прошлого» и обоснованием инспекции я вынужден был подать уже ему, а не Терентьеву. Бывший начальник хотя бы попытался вникнуть в ситуацию и прислушаться к моим доводам...

Не буду повторять всего, что выслушал от Телепина. В корректно-издевательской манере он не оставил от моего документа камня на камне. Слово «бред» не прозвучало, но подразумевалось. В качестве резюме было сказано, что служба офицера-инспектора, видимо, не столь уж многотрудна, коли оставляет время и силы для сочинения подобных измышлений. И мне снова захотелось набить ему морду.

Но устраивать свару в мои планы не входит. Я просто сообщил новоиспечённому начальнику, что если он меня не поддерживает, я буду действовать согласно пункту четырнадцать Кодекса сотрудников ООГ. Этот пункт фиксирует право офицера-инспектора на особое мнение и особые действия в рамках Устава Организации Объединённых Государств. Понятно, что инспекция сомнительного объекта Уставу ООГ никак не противоречит... Хороший пункт. Оставляет зазор для манёвра в общении с тупым или инертным руководством.

Надо ли говорить, что смотрел на меня Вадим, как на идиота. «Право есть право, и вы можете им воспользоваться, Сергей Петрович, – сказал он с холодной иронией. – При этом вы, конечно, понимаете, что действовать будете на свой страх и риск. Об организационной и технической поддержке можете не мечтать. Людей в помощь тоже не дам. И вся ответственность за провал несанкционированной инспекции ляжет на вас. Уж вы-то знаете, насколько болезненно реагируют в Альбионе на контроль ООГ, особенно избыточный и необоснованный...» Я столь же холодно ответил, что всю ответственность, естественно, принимаю на себя.

На том и расстались. В тот же день я направил официальное уведомление Аткинсону...

Не передать, как скверно сейчас на душе. На карту поставлена многолетняя карьера. Если я вернусь из Эйвбери с пустыми руками, она рухнет. Это будет лучший предлог для Телепина, чтобы избавиться от меня. А после бесславного возвращения домой останется лишь одно: прозябать в ожидании пенсии... Но и отступить не могу. Устал жить с ощущением неясной, тёмной угрозы. Она повсюду, просто это мало кто чувствует. А вот пропавший Дженкинс чувствовал. И я тоже...»

– Судя по письму, ваш друг был человеком проницательным и упорным, – заметил я, отрываясь от чтения, чтобы закурить очередную папиросу.

– Таким и был, – тихо сказал Ходько.

– И, конечно, смельчак. Уму непостижимо, как он отважился лезть в это осиное гнездо в одиночку.

– А вы читайте дальше. Он сам объясняет...

«Ты, конечно, спросишь, почему я решил ехать в Эйвбери один, вооружённый, в сущности, лишь служебным удостоверением.

Ну, во-первых, выбора не оставил Телепин. А попытки искать поддержку в Департаменте через голову начальника у нас категорически не приветствуются. Про министерство иностранных дел и говорить нечего. Там всё контролирует тесть Вадима. Не к императору же апеллировать...

Можно и не ехать. Только ты меня знаешь: я привык любое дело доводить до конца. Особенно если дело связано со службой. Так живу и по-другому не умею. Тут уже выбора не оставляю себе сам.

Боюсь ли я? И да, и нет. Я не трус, однако же и не дурак. Одно покушение уже состоялось, и, если я прав, за ним маячит тень «Наследия». Получается, я сам суюсь в логово тигра. С другой стороны, убить человека в мегаполисе – это одно, а убрать его в маленькой деревушке – совсем другое. Иной резонанс, иная мера внимания к происшествию, к ходу следствия. И, может быть, самое безопасное место во время тайфуна – его эпицентр...

Случись что, письмо тебе передаст Айрин. Обычной почтой не доверяю – её могут контролировать коллеги ребят в чёрных кожаных пиджаках. То же само относится сообщениям по информационной сети. А дипломатический почтовый канал подведомствен вице-министру Голубятыеву, который наверняка в курсе нашего конфликта с его зятем.

Айрин... Вот уже год как мы познакомились и начали встречаться. Только не торопись делать вывод, что твой друг просто решил сходить налево... Я люблю её и хочу со временем жениться на ней. Мы любим друг друга. Её не останавливает даже то, что на офицеров миссии, французов и русских, здесь традиционно смотрят, как на оккупантов. А наш брак с Лизой давно уже формальность. Я предлагал развод, но она против – по крайней мере, до тех пор, пока не подрастут Ленька с Настей. Так и мечусь между двумя женщинами...

Однако уже и ночь на исходе, пора заканчивать. Эх, Володька... Жаль, что тебя сейчас нет рядом. Что письмо? Поговорить бы... Я уж молчу, что мы с тобой это дело уж точно раскрутили бы и до сути докопались. Одному **таким** заниматься тяжело.

Ну, обнимаю. Надеюсь, это письмо я как-нибудь покажу тебе сам. Ведь если его передаст Айрин – значит, со мной что-то случилось... До чего же нежелательно...

Твой Серёга».

На этом письмо заканчивалось. Отложив последний лист, я потёр глаза и пристально посмотрел на Ходько.

– Ну-с, Владимир Анатольевич, какой же вывод мы сделаем из посмертного и в высшей степени важного послания полковника Добромыслова? – спросил я.

– Вывод простой, – негромко, словно через силу произнёс Ходько. – Я это «Наследие прошлого» вместе с Эйвбери наизнанку выверну, и того, кто Серёгу убил, из-под земли достану. А потом тоже наизнанку...

Я положил руку ему на плечо.

– План принимается, – сказал я. – Уточним, конкретизируем и реализуем общими усилиями. Кстати, не исключая, что убийцу – или убийц – вашего друга, действительно, придётся доставать из-под земли...

Из интервью императора Всероссийского Александра Четвёртого

**(Информационное агентство
«Держава», 3 августа 1973 года)**

– Ваше императорское величество! В ближайшее время вы отбываете в Париж, чтобы принять личное участие в очередной сессии ООГ. По слухам, вместе с императором Наполеоном Восьмым вы намерены внести на рассмотрение сессии проект документа

под названием «Закон Организации Объединённых Государств об ограничении научно-технического прогресса». Так ли это?

– Совершенно так.

– Не могли бы вы предварительным порядком, хотя бы вкратце, сообщить нашим читателям о содержании документа?

– Охотно. Тем более что ни я, ни император Наполеон никакого секрета из проекта изначально не делали.

Вторая мировая война закончилась десять лет назад. Теперь общеизвестно, что мы, сами того не зная, были на пороге небывалой катастрофы. Случись союзникам задержаться с высадкой войск на британские острова всего месяца на три-четыре, и Англия успела бы завершить работу над созданием атомного оружия. И, естественно, пустила бы в ход. Всё необходимое и достаточное для этого было – кроме времени, к счастью.

Апокалипсис не состоялся, но ответственные монархи и правительства сделали выводы. Почему стало возможным создание сверхоружия с неисчислимыми последствиями его применения? Да потому что мир не стоит на месте. Наука развивается нарастающими темпами. Возникают технологии, которые вчера казались фантастикой, сегодня делают первые шаги, а завтра обернутся бог знает чем. Остановить или обуздать мысль нельзя, да никто к этому и не стремится. Но поставить под общепланетный контроль технологические выводы из интеллектуальных изысканий можно и нужно. Слишком велик риск, что рано или поздно какая-нибудь прекрасная научная идея обернётся бедствием для всего человечества.

Ведущие научные и технические эксперты России, Франции, Индии и других стран составили универсальный набор граничных условий для любой технологической разработки. Коли проект отвечает им – действуйте. Ну, а нет – не обессудьте. На проект накладывается вето, и любая попытка воплотить его будет пресечена и сурово наказана. Это касается и государственных корпораций, и частных компаний. Если же государство, на территории которого идёт незаконная реализация запрещённого проекта, неофициально поддерживает его, санкции ООГ накажут и государство.

Следить за исполнением Закона об ограничении будет специально созданный институт офицеров-инспекторов ООГ, наделённых широкими полномочиями. Они будут работать во всех сколько-нибудь развитых странах мира. Отныне именно офицерам-инспекторам, действующим в рамках специальных миссий, следует подавать заявки на внедрение любой научной разработки. Подчёркиваю: любой. Начало практической работы над проектом без визы сотрудника ООГ будет расцениваться как нарушение Закона со всеми вытекающими последствиями.

– Каковы же критерии, на основании которых офицер-инспектор будет оценивать технологическую заявку?

– Критерий номер один: представляет ли проект какую-либо угрозу, может ли сейчас или в перспективе использоваться как оружие глобального поражения. Это в первую очередь касается исследований в области физики, химии, биологии.

Другой важнейший критерий – объём ресурсов, необходимых для реализации проекта. Если внедрение разработки требует чрезмерных затрат энергии и расхода полезных ископаемых, избыточного развития

производства, то нужна ли такая разработка? Кладовые природы не безграничны, а почву, атмосферу и водоёмы достаточно легко загрязнить промышленными отходами. Либо мы сэкономим чистоту планеты для детей и внуков, либо им выпадет незавидная доля дышать миазмами и пить воду, убитую заводскими стоками.

– Из ваших слов следует, что предполагаемый Закон может стать препятствием для дальнейшего развития производства в масштабе Земли...

– В какой-то мере – да. И нас, инициаторов Закона, это не смущает.

Согласитесь, во многих странах, прежде всего развитых и преуспевающих, обозначилась тенденция к излишнему потреблению. Материальная сторона общественной жизни мало-помалу выходит на передний план, и это настораживает. Стремиться к достатку – дело естественное, однако же надо и меру знать. Никак не впадая в аскетизм, хочу напомнить, что ещё никому не удавалось надеть десять костюмов, ездить в трёх автомашинах зараз, съесть по три обеда и так далее.

У человека должно быть всё необходимое и достаточное для хорошей, обеспеченной жизни – дом, автомашина, банковский счёт, и в то же время пусть погоня за благополучием не вытеснит из его сознания нравственные ценности. Напротив, достаток призван стать фундаментом для духовного развития. Разумное потребление – вот норма общественной жизни любой страны независимо от пола, возраста и национальности её граждан. Лишь в этом случае мы сэкономим от разрушения и общество, и среду обитания. В этом – сверхзадача Закона.

К слову, проект предусматривает, что не реже одного раза в десять лет ООГ будет возвращаться к Закону, пересматривать его и, в случае необходимости, вносить коррективы. В конце концов, жизнь не стоит на месте, и сегодня всё предусмотреть на века вперёд просто невозможно.

– Не кажется ли вам, ваше императорское величество, что само название подготовленного документа – «Об ограничении научно-технического прогресса» – режет слух? Накладывать ограничение на прогресс – дело неблагодарное. Да и не благородное...

– Прежде чем делать выводы, надо столкнуться насчёт терминов. Ведь слово «прогресс» можно понимать совершенно по-разному.

Вот самый простой пример. Как известно, уже несколько лет Россия, Франция и Америка осуществляют космические, в том числе пилотируемые полёты на околоземной орбите. Они чрезвычайно полезны, поскольку способствуют развитию средств связи, осуществлению метеорологических наблюдений и так далее. Параллельно совершенствуется техника и технологии, ставятся медико-биологические эксперименты. С моей точки зрения, такие полёты необходимо продолжать и в дальнейшем.

Но появились академики, инженеры и государственные мужи, требующие сделать следующий шаг. Они настаивают на полётах на Луну, на Марс. И тут я первый спрошу: а что мы, простите, забыли на Марсе? Ну как же, ответят мне, а вдруг там есть жизнь? Надо выяснить. А потом следует идти дальше, осваивать Солнечную систему... Допустим. А как насчёт цены вопроса?

Полет пилотируемого корабля на Марс, включая подготовку, обойдётся чохом примерно в миллиард рублей. И такие средства Российская империя,

разумеется, заплатить в состоянии. Однако на те же деньги мы сможем открыть сотни школ и больниц, оснастить их, платить достойные зарплаты педагогам и медикам. И вот на одной чаше весов – абстрактные цели, удовлетворение научных интересов, не имеющих ничего общего с повседневной жизнью и проблемами. На другой чаше – реальные потребности россиян, французов, индусов, американцев, других жителей планеты. Пусть приземлённые, однако предельно насущные. Так ответьте мне: на которую чашу весов положить миллиард? В чём он, истинный прогресс? Что считать приоритетом?

Лично я ответ нашёл. Поэтому в обозримом будущем Россия без полётов на Марс вполне обойдётся. Бог с ней, с жизнью на Марсе. А вот школы, больницы, дороги, очистные сооружения и многое другое строить будем не покладая рук...

Конец первой части

Часть вторая Смерть в башне

Глава четвертая

Владимир Ходько

Да, это была настоящая башня! Обнесённая зубчатой крепостной стеной, она стояла на широком холме и возвышалась над всей деревушкой, словно тёмная скала, на фоне серого, затянутого облаками неба. Мало Эйвбери мегалитов, так теперь ещё появился колосс в раннеготическом стиле...

– На кой чёрт, интересно, Аткинсону понадобились целых семь этажей? – спросил вслух Буранов, выглядывая из окна машины. – Мания величия у него, что ли?

Телепин пожал плечами:

– А вы спросите, может, он сам объяснит. Если захочет, конечно...

– Объяснит, – отрезал я. – Даже если не захочет.

Вадим покосился на меня, однако промолчал. Хорошо, что между нами на заднем сиденье расположилась Айрин. Иначе мы с бывшим однокашником всю дорогу искрили бы друг о друга...

Я был категорически против того, чтобы Вадима включали в состав специальной межправительственной комиссии по расследованию гибели Добромыслова. Да и он, сдаётся мне, вовсе не горел желанием поработать бок о бок. Руководство, как всегда, решило по-своему. После коротких интенсивных консультаций с британской стороной, окончательный состав маленького временного коллектива сложился так:

1. Михаил Буранов – официальный представитель правительства Российской империи, он же председатель комиссии.

2. Эдвард Мортон – официальный представитель министерства внутренних дел Королевства Альбион, сопредседатель комиссии.

3. Владимир Ходько – представитель Департамента безопасности Российской империи, полковник.

4. Айрин Мэддокс – Лондонский королевский университет, магистр истории, консультант комиссии.

5. Вадим Телепин – руководитель российского сектора миссии Организации Объединённых Государств на территории Королевства Альбион, полковник.

Таким образом, Россию и Альбион представляли по два человека плюс Телепин в качестве сотрудника ООГ. Если отвлечься от личных симпатий-антипатий, то надо признать, что все заинтересованные стороны в комиссии представлены, баланс налицо.

Накануне вылета в Лондон нас с Михаилом Михайловичем инструктировал товарищ министра иностранных дел Голубятьев об руку с моим начальником Нессельроде. Руководство упирало, главным образом, на два обстоятельства. Во-первых, убийство Добромыслова должно быть расследовано самым тщательным образом, преступник или преступники найдены и взяты под стражу. (Я от души пообещал, что ровно так все и будет.) А во-вторых, учитывая от века тяжёлые взаимоотношения с Альбионом, действовать на его территории предстоит с максимальным тактом и деликатностью. (Буранов заверил, что такта и деликатности нам не занимать.) После этого я задал совершенно конкретный вопрос:

– На месте убийства работает бригада из Скотланд-Ярда. Должны ли полиция с нами сотрудничать? Готова ли делиться добытой информацией?

– Как бы должна и как бы готова, – откликнулся Нессельроде, дёрнув щекой. – Во всяком случае, мы получили все возможные заверения, что в случае чего к услугам комиссии «вся королевская рать». Только сильно на это не рассчитывайте. Британцы не в восторге от предложения создать межправительственную комиссию. Дескать, сами разберёмся и сообщим. Вопрос решался на уровне премьеров, причём наш Долгоруков слегка придушил ихнего Хэррингтона – пригрозил в случае отказа санкциями со стороны союза. Дело принципа! В общем, тот уступил. Но ясно, что целоваться с вами там никто не будет... Сами видите, всё непросто. Именно поэтому не можем прикомандировать к вам хорошую следственную бригаду из Департамента. А надо бы...

После встречи Голубятьев попросил меня задержаться.

– Я в курсе вашего давнего конфликта с моим зятем, Владимир Анатольевич, – произнёс он без обиняков, как только мы остались одни. – Хочу надеяться, что этот мотив не повлияет на работу комиссии и, паче того, не отразится на её выводах. Ситуация предельно сложная, не след усугублять расследование личными обстоятельствами. – Крупный, в склеротических жилках нос тайного советника многозначительно уставился на меня, седые брови сдвинулись самым что ни на есть государственным образом. – Вы согласны?

– Согласен, – коротко сказал я.

Примешивать личное к служебному – последнее дело, кто спорит? Но не оставляло меня ощущение, что за набитую в давней курсантской драке морду Вадим рассчитался сполна. Наверняка сильнее, чем хотел... Неужели он не чувствовал, что нельзя, никак нельзя было отпускать Серёгу в Эйвбери одного? Издёрганного чувством неясной угрозы, замороженного семейным разладом... Его бы поддержать, выписать официальный мандат-ордер ООГ, придать пару офицеров – и всё могло сложиться иначе...

Машина въехала на перекидной мост через ров, наполненный мутной зеленоватой водой. Нас ждали: массивные дубовые ворота медленно, словно нехотя, распахнулись навстречу. Из будки на въезде вышел и направился к нам стражник. Подчёркиваю: стражник. Будь он одет в униформу и носи кобуру с пистолетом, я назвал бы его охранником, но этот... Шлем, крупнозвенная кольчуга поверх куртки из грубой кожи, короткий меч на поясе – наверное, так выглядел военный люд во времена, воспетые знаменитым английским романистом Уолтером Скоттом в книге «Айвенго». Захотелось протереть глаза и вспомнить, какое тысячелетие на дворе. Заметив моё удивление, Айрин извиняющимся тоном пояснила:

– Меня предупреждали, что мистер Аткинсон чрезвычайно эксцентричный и увлечённый человек. На своей территории он пожелал воспроизвести некоторые детали быта и обстановки раннего средневековья. Так ему комфортнее работать, размышлять... словом, погружаться в эпоху. Собственно, идея построить башню в качестве офиса родилась из той же увлечённости.

– Нас он тоже встретит в кольчуге? – хмуро поинтересовался Телепин.

– Нет. Сам мистер Аткинсон предпочитает широкую белую хламиду. По преданиям, в таких же ходили друиды.

Вадим нервно хохотнул. Мортон бросил на него неодобрительный взгляд, однако промолчал.

Про этого немолодого коренастого человека с густыми усами и обширной лысиной мы почти ничего не знали. Сопредседателем комиссии он стал потому, что именно его отдел в МВД Альбиона курировал расследование убийства Серёги. Так сказать, по принадлежности. Мортон был единственным представителем британского правительства, который встретил нас с Бурановым в Лондоне. Никто больше не снизошёл, и в этом проявилось отношение официального Альбиона к нам и нашей комиссии. Другой деталью на ту же тему стал мелкий факт: в Уолтшире нас у поезда встретил местный констебль, и только. Он же повёз в Эйвбери на полицейском мини-автобусе, в который мы набились впятером вместе со всеми баулами.

Специальная межправительственная комиссия, чёрт возьми, могла бы рассчитывать на более тёплую встречу...

Что касается Айрин, то в наш коллектив она была включена по предложению Буранова как председателя. Он упирал на то, что именно мисс Мэддокс консультировала покойного Добромыслова по вопросам британской истории и древних культов. Поэтому могла быть полезна при выяснении обстоятельств его гибели. Тут всё очевидно, Лондон дал согласие, и Айрин влилась в состав комиссии.

Стражник неторопливо изучил предъявленные Мортонем документы и махнул рукой: проезжайте, мол. В просторном внутреннем дворе, вымощенном крупным булыжником, нас ждал другой стражник, бесстрастно наблюдавший, как мы вылезаем из машины и разминаем ноги. Парень как парень, только здоровый очень, и шрам от виска к скуле присутствует.

– Мистер Аткинсон ждёт вас, – произнёс он, не тратя время на приветствие.

– А уж мы-то как ждём, – буркнул я.

И нас повели к башне. Это было массивное цилиндрическое строение метров двадцати в диаметре и высотой не меньше сорока, стилизованное под архитектурный стиль пятнадцативековой давности. Выстроенное из кирпича мышиного цвета, оно венчалось шпилем, на котором ветер полоскал белое полотнище с кельтским крестом. Я невольно стиснул зубы.

Внутреннее убранство башни представляло совершенную эклектику. Да, каменные стены, закрытые вместо штукатурки или обоев гобеленами-ковриками с изображениями батальных сцен времён короля Артура и чародея Мерлина. Да, стрельчатые окна-бойницы, скупно отмерявшие дневной свет. Да, настенные факельные подставки из чёрного железа.

Но! В подставках вместо факелов горели обычные электрические лампы, в окна-бойницы вставлены пластиковые звукоизолирующие рамы, вдоль стен тянулись трубы отопления. И, наконец, на седьмой этаж башни нас вознёс стандартный лифт. Преданный седой старине руководитель «Наследия прошлого» не чурался и современности. По крайней мере, её удобств.

Да и приёмная мистера Аткинсона мало чем отличалась от приёмной любого другого заведения. Рутинный набор деловой мебели, анализатор с большим экраном, телефонные аппараты, стопки бумаг на столе... Заведовала этим хозяйством сухопарая особа в длинной тёмной юбке, строгой белой блузе и, что называется, без особых примет. Не считать же особыми приметами невыразительные черты лица, казённый пучок светлых волос на затылке или стремящийся к нулю бюст. Звали этот манекен неопределённого возраста мисс Редл. По крайней мере, так обратился к ней провожавший нас стражник, которого секретарша назвала Брумелом.

– Прошу предъявить ваши полномочия, господа, – то ли попросила, то ли велела она, окинув каждого внимательным взглядом.

И лишь изучив документ, предъявленный Бурановым, подняла трубку телефонного аппарата, дождалась ответа и провозгласила:

– Мистер Аткинсон, к вам прибыла специальная межправительственная комиссия. Могу пригласить?

Михаил Буранов

Роберт Аткинсон был под стать своему кабинету, а кабинет – под стать Аткинсону. Оба впечатляли.

По моим подсчётам, отставному офицеру-десантнику было лет под семьдесят, однако благодаря высокому росту, широким плечам и армейской выправке смотрелся он существенно моложе. Как и предупреждала мисс Мэддокс, глава «Наследия прошлого» был облачен в широкое белое одеяние с короткими рукавами, из которых торчали сильные, густо поросшие седыми волосами руки. На крепкой шее висел полотняный мешочек, чем-

то наполненный. Вышитая бисером шапочка не скрывала посеребрённую возрастом гриву. Крупные рубленые черты гладко выбритого лица излучали энергию, чёрные глаза из-под кустистых бровей смотрели спокойно и властно. Таких людей робеют мужчины и обожают женщины.

Что касается круглого кабинета, он был огромен и, кажется, занимал почти весь этаж. Конечно, площадь этажей-ярусов здесь невелика, конфигурация здания-башни разгуляться не позволяет, но всё-таки... Ощущение простора усиливалось необыкновенной высотой потолка – метров пять, не меньше. Кабинет напоминал уют практикующего шамана. Кирпичные стены испещрены таинственными знаками (круги, треугольники, ромбы, спирали, волнистые линии и что-то уж совсем ни на что не похожее). На необъятном столе среди бумаг лежали многочисленные артефакты: сухие веточки, камушки, раковинки, пёрышки и вроде бы даже чьи-то косточки. На каменном полу разбросаны шерстяные коврики с вытканными кельтскими рунами. Словом, мисс Мэддокс и тут не ошиблась: тотальное погружение в эпоху, действительно, имело место...

После короткой церемонии знакомства мы сели по обеим сторонам приставного стола, и Мортон приступил к изложению наших задач:

– Как известно, покойный сотрудник Организации Объединённых Государств мистер Добромислов был командирован для инспектирования вашей организации, – заговорил он официальным тоном. – В рамках расследования его гибели мы намерены тщательно ознакомиться с её деятельностью, опросить сотрудников, общавшихся с Добромисловым, а также...

Жестом руки Аткинсон прервал Мортон.

– Достаточно, – произнёс он. Голос, как и следовало ожидать, был звучно-командный. – Для облегчения вашей работы сразу уточню ситуацию. Наше общество никакого отношения к гибели Добромислова не имеет. Следовательно, ворошить организацию и отвлекать людей от работы бессмысленно. Надеюсь, это ясно. Из всех сотрудников с покойным общался лишь я, если не считать привратников и моей секретарши. Я в вашем распоряжении, господа. Для беседы могу выделить полчаса. Приступайте.

Видимо, Аткинсон чувствовал себя в своей башне полновластным хозяином. Холодный тон, категорические суждения, колючий смысл сказанного – примерно так разговаривают с бедными родственниками. Он словно хотел сразу войти в конфронтацию. А может, вёл себя так, как привык, и не считал нужным казаться хотя бы минимально корректным... Мортон кашлянул и оглянулся на меня.

– Мы непременно опросим вас, мистер Аткинсон, – мирно сказал я. – Вас, а также любого другого, кого сочтём нужным. Но сделаем это тогда, когда, опять-таки, сочтём нужным. И беседовать будем столько, сколько надо, а не сколько нам соблаговолит уделить времени. Хочу, чтобы на этот счёт никаких сомнений не было, – на всякий случай уточнил я. Не нравилось мне в этот момент лицо Аткинсона. – Ещё раз: начать расследование мы намерены с тщательного знакомства с обществом «Наследие прошлого». Нам понадобится штатное расписание, схема финансирования, план исследовательских работ, перечень имеющегося оборудования. Дальше посмотрим. Предлагаем вам незамедлительно представить соответствующие документы.

– Даже не мечтайте! – насмешливо рыкнул Аткинсон, играя нашей мешочком. – Судя по предъявленным полномочиям, вы должны провести расследование. И на здоровье! Ступайте на место происшествия, осмотритесь, ищите свидетелей. Но причём тут моё общество? У вас нет права переворачивать его вверх дном. Как председатель я этого не допущу и подчиняться вашим требованиям не намерен.

Молчавший до этого Телепин вздохнул и расстегнул кожаную папку, с которой не расставался всю дорогу.

– А придётся, – сказал он, протягивая Аткинсону плотный лист с грифом ООГ. – Прошу ознакомиться.

– Что это? – неприязненно спросил Аткинсон.

– Мандат-ордер Организации Объединённых Государств на проведение инспекции общества «Наследие прошлого». Инспекция же, как известно, предполагает всё, о чём говорил мистер Буранов. А при необходимости и многое другое. Как глава российской миссии ООГ в Королевстве Альбион, предлагаю вам выполнять наши требования и добросовестно сотрудничать с комиссией. Не хотите с комиссией – сотрудничайте с инспекцией ООГ. Нам всё равно.

Мортон с тревогой смотрел на багрового от ярости Аткинсона. Как альбионец он, разумеется, был на стороне соотечественника. Но как должностное лицо не мог не понимать, что мы с Телепиным полностью в своём праве. А вот я был удивлён. Расследование, инспекция – всё это неприятно... нервотрёпка, потерянное время... и никто не рассчитывал, что председатель встретит нас шампанским. Но столь бурная реакция... Трудно представить, что дело просто в дурном характере Аткинсона. Неужели покойный Добромислов был прав, угадывая в деятельности общества нечто запретное? И теперь глава «Наследия» готов идти даже на конфликт, лишь бы не допустить проверки организации? Или... или есть за спиной некая поддержка, которая позволяет перечить спецкомиссии и бросать вызов ООГ?

Аткинсон медленно встал из-за стола и оперся мощными кулаками на тёмную столешницу.

– Я не привык, чтобы со мной разговаривали в таком тоне, – тихо, с трудом, произнёс он, явно сдерживая душивший гнев.

– А я не привык, чтобы моих офицеров убивали, – с неожиданной силой ответил Телепин, также поднимаясь. Теперь они стояли с Аткинсоном глаза в глаза. – Оставим перепалку! Мы не на базаре, чтобы браниться. Либо вы будете выполнять наши требования, либо...

– Либо что?

– Либо я приостановлю деятельность организации вплоть до окончания расследования, – невозмутимо закончил Телепин. – Такие полномочия у меня есть.

Аткинсон хватил кулаком по столу. Бумаги и артефакты, подпрыгнув, перемешались. Мисс Мэддокс вжалась в спинку стула.

– Вы смеете мне угрожать? Мне, в моём доме, на моей земле? – негромко спросил Аткинсон. Горло у него перехватило, и потому реплика прозвучала пугающе.

– Боже упаси. Я просто показываю возможные последствия вашего упрямства, – сухо сказал Вадим, пряча документ в папку. – И снова хочу спросить: намерены ли вы сотрудничать с нами?

Аткинсон смерил его мутным от бешенства взглядом, опустил в кресло и нажал кнопку звонка. На пороге кабинета мигом появилась невзрачная секретарша.

– Мисс Редл, проводите джентльменов, – велел патрон, тяжело дыша и поправляя трясушимися руками шапочку. – Встреча окончена.

В разговор вступил молчавший до этого Ходько. Во время сцены в кабинете я краем глаза наблюдал за ним, и почему-то мне казалось, что чем больше ярится директор, тем спокойнее становится полковник.

– Если вы нас выставляете, мы, разумеется, уйдём, – обронил он, чуть ли не зевая. – Но вы должны иметь в виду, что вскоре вернёмся. Один звонок в Лондон, в миссию – и через час в Эйвбери приземлится пара винтокрылов ООГ с подразделением российских офицеров-инспекторов. Если надо, подтянем и французских коллег. Здание вашей организации будет опечатано, сотрудники во главе с вами задержаны и допрошены... ну, и так далее. Я вам не угрожаю! – жёстко добавил он, прерывая открывшего рот председателя. – Я, как и мои коллеги, конфликта не ищу. А вот вы прямо-таки на него нарываетесь. Возможно, потому,

что не отдаёте отчёта в том, чем он для вас закончится. Препятствовать работе специальной межправительственной комиссии и, паче того, инспекции Организации Объединённых Государств – дело серьёзное, мистер Аткинсон. Скажу больше: опасное. В сущности, это преступление, предусмотренное в своде законов ООГ. А они, как известно, имеют надгосударственный характер.

Аткинсон перевёл взгляд на Мортон. Тот уныло кивнул, подтверждая справедливость сказанного.

Установилось молчание. Видимо, директор понял, что зарвался, но не знал, как отработать назад без потери лица. Мы терпеливо ждали, разглядывая стены, камин, потолок и вообще все, что попадалось на глаза. Я смотрел в окно-бойницу: с высоты седьмого этажа открывалась отличная панорама деревни, взятой в тройное кольцо мегалитов. Гигантские, устремлённые в небо пальцы многопалой каменной руки, затаившейся под землёй... Мисс Мэддокс тихонько теребила рыжий локон. Мортон сидел мрачнее тучи. Ходько написал записку и передал её Телепину. Прочитав, тот высоко поднял брови и слегка порозовел щеками. Интересно, какой информацией обменялись полковники...

Эдвард Мортон

Слушая русского со смешно звучащей фамилией Ходько, я проклинал свою сыщицкую удачу, которая когда-то создала мне репутацию нового Шерлока Холмса и в итоге привела в кресло начальника департамента. Высокий пост, одно из ключевых мест в министерстве, большое жалованье... Зачем всё это, если платить приходится нервотрёпкой, обострением язвы, бессонницей и вечным страхом потерять портфель, к которому – видит бог! – я не рвался?

Жена говорит, что за последние три года я сильно изменился. А как не измениться? Гроза лондонских жуликов исчез, появился важный чиновник. Как только охота на преступников сменилась бумажной круговертью и бесчисленными совещаниями, я начал понимать, что занимаю не своё место. Ну, так откажись, посоветуете вы. Легко сказать! А вы бы отказались, если вам предлагают крупное повышение? Да и чиновничьи блага, о которых я упоминал, засасывают не хуже болота...

За эти годы приходилось выполнять множество поручений министра. Но впервые меня инструктировал сам премьер Хэррингтон. Это случилось перед отъездом в Эйвбери. И чем больше я слушал премьера, тем сильнее понимал, что такого тухлого дела у меня ещё не было.

Русские пока не знают, во что вляпались со своим расследованием. (Хотя было бы точнее сказать – нашим.) Я и сам этого до конца не знаю. Но после разговора с Хэррингтоном я, по крайней мере, начал смутно понимать, чем занимается «Наследие прошлого» и какие силы поддерживают Аткинсона. И мне стало неудобно. Более неудобно я чувствовал себя лишь однажды, оказавшись на мушке у Шутника Питерса без малейшей надежды на чью-либо помощь...

Помощи и сейчас, в общем-то, ждать неоткуда. С поставленной миссией я должен справиться сам. «Миссия» – именно это слово произнёс Хэррингтон, пожимая на прощание руку и пристально глядя в глаза. И хотя в случае успеха я могу рассчитывать практически на любое вознаграждение, не слишком-то хочется его зарабатывать. То ли из-за страха, то ли остатки совести бунтуют...

И, как на грех, ситуацию усугубляет Аткинсон. Всё понимаю, но нельзя же вести себя так по-идиотски вызывающе! Какая бы мощь ни стояла у тебя за спиной, к тебе приехала комиссия ООГ. А что такое Организация Объединённых Государств, мы в Альбионе хорошо знаем. Так сказать, на собственной шкуре. И если русские пойдут на принцип (а они, увы, в

своём праве), у председателя через считанные часы начнутся большие проблемы. А значит, и у «Наследия». А значит, и у...

Чёрт бы побрал этого упрямого самоуверенного болвана! Его же предупреждали, чтобы вёл себя аккуратнo...

Вадим Теленин

Атмосфера в кабинете сгустилась так, что хоть топором руби.

Удивил Ходько. Перебросил мне записку с одним-единственным словом: «Молоток!» То ещё, курсантское словечко – комплимент. Что ж, доброе слово и полковнику приятно. Особенно учитывая наши трудные отношения...

Очевидно, Володя имел в виду, что я порядком припугнул Аткинсона. Но, откровенно говоря, всё не так просто. Винтокрылы с подкреплением вызвать я, действительно, могу. И временно перекрыть кислород обществу тоже не проблема. Проблемы начнутся потом – прежде всего, у меня. Слишком сложно тут всё, в этом туманном Альбионе, чтобы играть мускулами без крайней необходимости. Только мне дипломатического скандала не хватает!

С другой стороны, неподчинение спецкомиссии, тем более инспекции ООГ, не может остаться безнаказанным. Нельзя создавать прецедент. И потому, если Аткинсон так и не проявит благоразумия, наказания ему не избежать. Даже если придётся разобрать башню по кирпичику. А там будь что будет. В крайнем случае, тесть заступится...

Прерывая затянувшуюся паузу, я поднялся и сугубо официальным тоном осведомился:

– В последний раз спрашиваю, мистер Аткинсон: намерены ли вы сотрудничать со специальной комиссией, а также инспекцией ООГ? В принципе?

Британец проткнул меня взглядом. Насквозь.

– В принципе, да, – бухнул он. Как булыжником по темени, ей-богу. – Вы мне не оставляете выбора...

– Ну-с, вот и прекрасно, – подхватил Буранов, чьё лицо немедленно озарилось дипломатической улыбкой. – У нас в России в таких случаях, знаете ли, говорят: «Худой мир лучше доброй ссоры». Со своей стороны обещаем вести следствие с максимальным тактом. Итак, для начала мы бы хотели получить...

– Не трудитесь, – буркнул Аткинсон, глядя в сторону. В стороне, опершись на край стола, невозмутимо стояла вызванная, да так и не отпущенная мисс Редл. – Я всё запомнил. Однако чтобы подготовить документы, о которых сказано, понадобится некоторое время. Я дам указание своему заместителю мистеру Грейвсу.

Буранов и Мортон переглянулись.

– Ну, что ж, – сказал полицейский, – полагаю, что просьба мистера Аткинсона вполне корректна.

– Нет возражений, – любезно произнёс Буранов. – Мы можем встретиться вновь завтра. Скажем, в девять часов утра. Как вы думаете, мистер Аткинсон?

– Согласен, – отрезал председатель.

– А мы, пока суд да дело, поедem в гостиницу, устроимся, оглядимся, – закончил Буранов.

Никакого особого времени, чтобы представить нам необходимые документы, Аткинсону не требовалось. Уверен, что все они лежали у него в сейфе, под рукой. Однако Буранов был прав; не следует перегибать палку. Хочешь тайм-аут? Получи! Но завтра мы тебя вывернем наизнанку. По полной программе, от души...

Из выступления премьер-министра Уильяма Хэррингтона в парламенте Альбиона

(Лондон, 2005 год)

– Сегодняшнее заседание парламента посвящено двухсотой годовщине со дня подписания Парижского трактата...

Надо ли говорить, что более тяжёлой и трагической страницы в летописи британской истории не существует. Последствия трактата поистине ужасны. Держава, покорившая полмира, правившая морями, владевшая колониями в самых отдалённых уголках земного шара, была низведена до уровня третьестепенного государства. Какими бы мотивами ни руководствовался король Георг Третий, подписывая роковой для Британии документ, имя его с того дня навсегда стало символом национального предательства, покрылось позором и презрением. Именно поэтому парламента вскоре принял беспрецедентное решение: Ганноверская династия объявлена низложенной, и на престол вступил Ричард Четвёртый – представитель Плантагенетов, потомок самого славного из британских монархов Ричарда Львиное Сердце...

Альбион никогда не откажется от борьбы за возвращение статуса великой державы. Я говорю это открыто, ничего не боясь, обращаясь ко всему миру. За истекшие двести лет страны-победительницы, Франция и Россия, сделали всё, чтобы поставить нас на колени. С этой целью в позапрошлом столетии был навязан унижительный трактат, в прошлом веке – создана Организация Объединённых государств. Но мы никого не боялись в прошлом, не боимся в настоящем и не собираемся бояться в будущем. Мы черпаем силу в самих себе. Залог нашего возрождения – в нашей истории и в наших традициях, пронизанных духом великой британской империи! ***(Члены парламента и присутствующий на заседании король Филипп Третий встают и аплодируют.)***

Глава пятая

Владимир Ходько

Мисс Редл посоветовала нам остановиться в гостинице «Красный Лев». Могла бы и не советовать: другого отеля в Эйвбери нет. Деревушка, не Лондон какой... Однако такой гостиницы в Лондоне не найти. Построена в XIV веке, в разгар Столетней войны, знаменита кухней и привидениями. Понятно, что сейчас она реконструирована, расширен холл, появился третий этаж, однако фасад по-прежнему стилизован под седую старину. В этом смысле горячую воду, ватерклозет и электрический свет в номерах в пору считать профанацией...

Гостиница играет некоторую роль в бытовом обустройстве сотрудников «Наследия прошлого». Человек десять из них (та же мисс Редл) проживают здесь постоянно, причём гостиничные счета оплачивает общество. Директор Аткинсон устроился здесь же, в трёхкомнатных апартаментах. Другие снимают жилье в деревне (опять-таки за счёт общества). И вот-вот начнётся строительство целого коттеджного посёлка для персонала НП. Что лишний раз подтверждает: с деньгами в «Наследии прошлого» всё хорошо.

Мне досталась большая комната на втором этаже с интерьером, выдержанном в тёмных тонах. Так сказать, в русле обозначенной эпохи. Дубовая столешница письменного стола выглядела настолько добротна, что хоть сейчас руби на ней голову. Кровать стояла под балдахином с шелковыми шторами цвета свежeproлитой крови. Чёрные потолочные балки и настенные гравюры с эпизодами битвы при Азенкуре утоляли ностальгию по средневековью. Массивный оконный переплёт, похоже, сделан из натурального свинца.

Выглянув из окна, я разглядел в сгустившихся сумерках прямую двухрядную дорогу, вдоль которой выстроились деревенские домики. Домики один к одному: два этажа, земли сотки четыре при каждом, тщательно подстриженные кустарники, невысокие, выкрашенные в блеклый серый цвет ограды (от кого здесь ограждать?). Было в этой упорядоченности что-то казарменное. А ещё говорят, что главные аккуратисты – немцы. Прислать бы сюда тевтонов, чтобы опыт перенимали...

Время уже было довольно позднее. Хотя что такое восемь часов вечера для оперативника? Так, разгар трудового дня... Я разложил одежду и бельё, принял душ и собрался звонить Буранову, чтобы пригласить его отужинать, но Михаил Михайлович явился сам. Вместе с ним пришёл Телепин.

– Ну, что, господа, в кабак? – спросил я, закрывая за гостями дверь.

– Непременно, – сказал Вадим. – А потом к цыганам и по бабам...

Буранов саркастически кашлянул и огладил бородку.

– Где вы тут найдёте цыган, батенька? Эйвбери, знаете ли, не Питер...

– Тогда сразу к бабам, – сказал Вадим, внимательно разглядывая стены и потолок.

Не туда смотрел однокашник, хотя ход мысли был правильный. Подслушивающий микрофон установили на внутренней стороне столешницы.

– Как насчёт моциона перед ужином? – спросил я, выразительно глядя на Буранова.

– Отчего же, – откликнулся тот, глядя на меня столь же выразительно.

Выйдя на улицу, мы неторопливо пошли по дороге. Стояла тишина, машин не было, и вообще: низкое серое небо Эйвбери навало несвоевременную лень пополам с ещё более несвоевременным умиротворением. Было довольно зябко, даром что начался июнь. Впрочем, лето в Альбионе – понятие относительное, уж такой климат...

– У меня в номере микрофон, – сообщил Вадим.

– У меня тоже, – сказал я.

– У меня три, – то ли похвалился, то ли пожаловался Буранов. – Это сколько нашёл.

Вадим с насмешливым пиететом посмотрел на тайного советника.

– Хорошо быть председателем, – сказал он. – Не экономят на руководстве-то...

– «Интеллидженс сервис»? – подумал я вслух.

– Может быть, – сказал Вадим. – А может и не быть. Не исключено, Аткинсон расстался. У него тут, похоже, целая служба. Обратили внимание на охранников? Особенно на того, что со шрамом? Кольчуге сто лет в обед, а сам парень вполне современный, натренированный...

У Вадима глаз намётанный, и опыта предостаточно. Справедливости ради, за спиной тестя он никогда не отсиживался. Прежде чем сесть на генеральское место в Альбионе, послужил в Берлине, Кракове, Багдаде – сплошь горячие точки. Схватывался и с тевтонскими боевиками, и с польскими смертниками, и с курдами-асассинами...

– Так или этак, взяли нас сходу под колпак, – то ли констатировал, то ли пожаловался Буранов.

– Вообще-то прослушивать спецкомиссию – с огнём играть, – сказал я.

– Это смотря какие ставки, – заметил Вадим, пиная ногой камешек.

Буранов посмотрел на часы.

– Есть хочется, – сообщил он. – Пошли обратно, в ресторан. Бог с ними, с цыганами, бифштекс-то с пивом дадут...

– Я приглашу Айрин, – сказал я.

– А я Мортон, – добавил Вадим.

Мы пошли обратно. По пути наметили план действий на завтрашний день. Буранов и Мортон будут работать с Аткинсоном. Потрошить альбионца надлежит исключительно в присутствии соотечественника – протокол! А мы с Вадимом отправимся в местный полицейский участок. Было согласовано, что на период расследования он станет штаб-квартирой комиссии.

Ресторан располагался на первом этаже гостиницы. В традициях эпохи Плантагенетов его обставили деревянными стульями и столами, накрытыми грубо ткаными льняными скатертями. Массивную стойку бара украшали разнокалиберные бутылки, эпохе Плантагенетов несвойственные. В глубине заведения мерцал внушительный камин, в котором без труда уместился бы дикий вепрь из окрестного леса. Вот только где в двадцатом веке взять вепря! Да и окрестные леса сильно поредели в период промышленной революции... Хотя в огненном чреве камина – надо полагать, на всякий случай – тлел внушительный пень, распространяя приятный смоляной дух.

Айрин была очень красива. Простое белое платье плотно облегло стройную крепкую фигуру, оставляя обнажёнными длинные ноги выше колен. Рыжие локоны мягко окутывали веснушчатое лицо, карие глаза устало полуприкрыты. Изысканная дама. Я невольно подумал, что Серёга отсутствием вкуса не страдал – и устыдился. Как гласила курсантская заповедь, женщина друга для тебя не женщина...

Мортон сосредоточенно жевал бифштекс, время от времени окуная моржовые усы в кружку с пивом. Похоже, к светской беседе он был не расположен, как ни старался Михаил Михайлович. И то сказать: ничего светского в ресторане «Красного льва» не присутствовало. Кабак – он и в Африке кабак. Тем более, шумный. Чуть ли не единственное в деревушке публичное место, не считая церкви и отдельно стоящего паба. Танцуйки под музыкальную запись и всё такое.

Между столами порхала белокурая миссис Своллоу. Мы познакомились во время заселения. Опять же традиция! Официанты официантами, но хозяйка должна контролировать ситуацию «от» и «до». Вадим подозвал её плавным движением руки. Что значит потомственный аристократ – умеет обращаться с плебсом: приветливый жест не оскорбителен, но однозначен. И хозяйка не могла не откликнуться. (Вдова бальзаковского возраста, аппетитна,

миловидна, деловита, общительна.) Да и как не откликнуться, если сорокалетний красавец улыбается небрежно-ласково, и смотрит в глаза, и в полуприщуренном взгляде некое обещание... Сам бы не устоял.

(Между прочим, с миссис Своллоу стоило познакомиться поближе. Хотя бы потому, что подслушку в номерах не могли установить без её ведома. Именно она распределяла комнаты для членов комиссии, и, значит, лишь она могла загодя допустить в помещения людей с микрофонами. На каком-то этапе придётся доверительно побеседовать с аппетитной хозяйкой на эту тему. И различными способами склонить её к откровенности...)

Разумеется, миссис Своллоу знала, что такое ООГ, и как истинная альбионка вряд ли питала к нему симпатию. Однако невероятное обаяние Вадима подвигло её и на разговор, и на обмен информацией. Спустя пару минут хозяйка щебетала, как с близкими людьми. Даже Айрин слегка оживилась и оторвала взгляд от еле тронутой тарелки с салатом.

– Да, у нас нынче людно. Вот, видите, пятый и шестой столы пришлось сдвинуть. Реконструкторы гуляют. Будут у нас разыгрывать битву Мерлина с фатой Морганой. Уже три дня готовятся, поле возле Вест-Кеннет расчистили, оборудования с аппаратурой привезли немерено. Муниципалитет обещал помочь...

– А при чём тут Эйвбери? – удивился Буранов. – Мне казалось, что это происходило в Уэльсе...

Хозяйка снисходительно посмотрела на Михаила Михайловича:

– Заблуждение! Именно здесь, в Эйвбери, тысячу пятьсот лет назад Мерлин и фата Моргана принялись выяснять отношения...

Мортон взялся за голову.

– Здорово, – сказал я. – А за соседним столиком кто? Вот эта странная пара?

Пара была и впрямь странная. Почтенный лысый коротышка с остатками седых волос за ушами – и очень молодой, лет семнадцати-восемнадцати, длинный юноша с пышной гривой льняного цвета. Различие в возрасте и облике не мешало им оживлённо общаться. Коротышка пил виски. Юноша пил кофе. Хозяйка вздохнула.

– Тот, который постарше – учёный, биолог. Мистер Баррет, член Королевского общества. Академик, по-вашему. Приезжает сюда отдыхать уже три года подряд. Говорит, тут в Эйвбери воздух хороший.

– А молодой человек? – спросил я.

– Поэт он. Пишет поэму про мегалиты и Вест-Кеннет. Приехал вдохновения поднабраться. Сам рассказал, когда заселялся.

– Помолодел нынче поэт-то, – заметил Буранов.

– Не скажите, – возразил я. – Пушкин с Лермонтовым тоже не старики были.

Айрин положила мне на руку ладонь. Ладонь была мягкая, тёплая, и пахла «Принцессой Каролиной».

– Смотрите, мисс Редл идёт, – сказала она.

Секретарша неторопливо спускалась со второго этажа. Вдали от офиса и брутального шефа мисс Редл выглядела совсем по-другому. Скромно распущенные волосы, лёгкий макияж и тронутые помадой губы делали её похожей на женщину. И бюст под обтягивающим зелёным платьем вдруг обрисовался, и бёдра кое-какие обозначились... Привстав, Буранов любезно пододвинул секретарше стул. Бёдра есть бёдра. А может, просто рассчитывал угостить коктейлем и поболтать о мистере Аткинсоне. Кто его разберёт, этого Михаила Михайловича...

Ладонь Айрин оставалась на моём предплечье, глаза смотрели куда-то в сторону. А запах «Принцессы Каролины» был горьковат и обещающ. Из всех сестёр Наполеона Первого Каролина разбила сердец больше, чем все остальные вместе взятые. Настолько-то я историю Франции знаю.

Миссис Своллоу упорхнула по хозяйским делам, а Вадим, улыбнувшись одновременно мне, Буранову, Мортону и женщинам, спросил по-русски:

– Драку заказывали?

Вадим Теленин

Ну, вот и поужинали.

Мы просидели в ресторане минут тридцать-сорок, и всё это время реконструкторы за сдвинутыми столами методично разливали. Разливали и косились на нас так, словно мы у них что-то похитили. Никто их не трогал, однако менталитет альбионцев вообще, и так называемых историков-любителей в особенности болен ненавистью к союзникам. Разумеется, слух о приезде спецкомиссии уже облетел всю деревню.

Я не удивился, когда один из реаниматоров древности поднялся из-за стола и, расстёгивая на ходу чёрную кожаную куртку, подошёл к нам. Спиртным от него разило за версту, однако пьяным он не выглядел. Напротив, курносое лицо землистого оттенка казалось вполне вменяемым. Хотя урод уродом.

– Франкоруссы? – спросил он тусклым голосом.

– Руссофранки, – миролюбиво поправил Буранов, откидываясь на спинку стула. – Чем можем помочь?

Реконструктор хмыкнул.

– Валите отсюда, – сказал он без обиняков. Пустые глаза уставились на Михаила Михайловича. – В Эйвбери вы чужие, ясно? Тут заповедная земля. Тут наша святыня.

– Непременно свалим, – ледяным тоном пообещал Володя. – Но вот какая штука, приятель... Здесь у вас недавно офицера ООГ убили, слышал? Так вот: мы сначала весь ваш заповедник наизнанку вывернем, а свалим уж потом. – Белозубо оскалившись, он доверительно закончил: – И яйца киллера на память прихватим. Ну, или киллеров, кто бы они ни были...

Айрин со страхом покосилась на Володю. Даже мне стало не по себе. Я вдруг понял, каким другом был покойный Сергей для Ходько, и как страдает полковник, потеряв побратима. А ведь не врёт: готов перевернуть деревню вверх дном, и плевать ему на Эйвбери вместе со всем Альбионом в придачу. И ничего не попишешь: оперативник, не дипломат...

– Мистер Ходько, – предостерегающе сказала мисс Редл.

Реконструктор обернулся к своим и развёл руками.

– Вы все свидетели, ребята: я хотел мирно, по-тихому, – поделился он без всякого выражения. – Мало того, что чужаки, так ещё и хамят. Неужто стерпим?

Вопрос был совершенно риторический. Пятый и шестой столы (человек двенадцать) начали молча подниматься. Загремели отброшенные стулья.

– Спокойно, джентльмены! – веско произнёс Мортон, вставая. – Кто не знает, могу сообщить: в Эйвбери прибыла специальная межправительственная комиссия с участием представителя ООГ. Я являюсь её сопредседателем. – Он обвёл тяжёлым взглядом господ реконструкторов. – Обращаю ваше внимание на то, что сопротивление действиям комиссии является серьёзным уголовным преступлением, которое карается согласно статье семьдесят шесть Устава ООГ вплоть до...

Информацию Мортон прервал сильный удар в челюсть, сбивший полицейского с ног под испуганный визг хозяйки.

Владимир Ходько

Ни хрена себе, законопослушные британцы! Вот так, запросто, нокаутировать большого чиновника при исполнении! А ещё говорят, что это мы, русские, пофигисты...

Ресторан притих. На глазах других посетителей реконструкторы неторопливо взяли наш стол в полукольцо. Ребята были как на подбор: крепкие, коренастые. Двигались ревнители старины с механической неотвратимостью. Из внутренних карманов чёрных кожаных курток на ходу извлекались короткие дубинки, кастеты и прочая необходимая в драке утварь.

Мне стало тревожно. Эта шушера всерьёз рассчитывает забить двух полковников российской спецслужбы? И за компанию одного тайного советника? (Нокаутированного Мортон и хлопочущих вокруг него Айрин с мисс Редл можно не считать.) Вообще-то соотношение складывалось резко не в нашу пользу. Правда, миссис Своллоу кинулась куда-то звонить – надо полагать, в полицейский участок, но пока стражи порядка придут, банда практикующих историков разнесёт заведение по кирпичику. Возможно, достанется и нам...

– Эй, ребята, вы что творите? Не лезьте к ним! Это же ООГ! Из-за них всю деревню на уши поставят!

Срывающийся голос в нашу защиту подал поэт-юнец, сидевший за одним столом с титулованным биологом. Парень вскочил на чрезвычайно длинные ноги, заправил за ухо прядь льняных волос и попытался удержать ближайшего реконструктора.

– Да пошёл ты, – буркнул тот и не глядя отпихнул парня.

А вот дальше произошло то, что даже меня, человека бывалого, приятно удивило.

Юный питомец муз перехватил руку громилы, слегка крутнул – и через мгновение тот уткнулся мордой в каменный пол ресторана с неестественно вывернутым локтем. Айкидо в чистом виде и вполне квалифицированное. Парень даже не запыхался. Вундеркинд, не иначе.

– Я с вами, господа! – несколько высокопарно сообщил он, подтягивая рукава пёстрого свитера. Одновременно он ловко уклонился от дубинки другого реконструктора.

Неожиданная помощь сдетонировала ситуацию. Громилы пошли на штурм.

Вадим Телепин

Если это реконструкторы, то я папа римский. Слишком хорошо дрались и слишком ловко пользовались холодным оружием. Сразу же стало ясно, что бить нас никто не собирается. Нас просто хотят убить. Зачем, почему – будем разбираться потом...

У Володи, как профессионала, иллюзий не было, и потому дрался он страшно. Дрался на выживание. В него словно бес вселился. Впрочем, слово «дрался» здесь неуместно. Он тоже убивал – в свою очередь. Он рвал кадыки, ломал рёбра и вышибал глаза. А этот знаменитый, мало кому удававшийся на спецзанятиях в академии удар ТТ – «тычок Терентьева»! Резкое движение руки под определённым углом пробивало даже грубую кожу чёрных реконструкторских курток, словно бумагу. И казалось мне, что полковник Ходько не просто калечил квазиисториков: в каком-то смысле он справлял тризну по Сергею.

Михаил Михайлович дрался, как истинный джентльмен. Он изящно уклонялся от замахов, пропуская мимо себя ножи и дубинки, а в ответ наносил удары, после которых очередной громила сгибался пополам или выплёвывал зубы. Замечательно, что есть в Российской империи тайные советники, поддерживающие хорошую физическую форму...

А юнец... юнец был прекрасен. Особого урона врагам он, разумеется, не нанёс – нет в нем пока ещё матерой мужской свирепости. Но он отвлекал противника, он облегчал нам бой. И я, как мог, старался, чтобы ни одна сволочь не дотянулась кастетом до его льняной головы.

Владимир Ходько

Вадим дрался великолепно. Хладнокровно и методично – как учил покойный начальник рукопашного спецкурса в академии, Терентьев. По службе Иван Иванович выше майора

не поднялся, но в своём деле был полнозвёздным генералом. Во всяком случае, ни одному заезжему японцу-сенсею отродясь не проигрывал.

Телепин ходил у него в любимцах. И потому, рассказывают, зять самого Голубятьева раза два-три выжил там, где выжить был не должен. Например, в катакомбах Багдада, спасающийся от курдов-асассинов, но всё-таки ими застигнутый. Двоих убил голыми руками. Третьего и четвёртого, правда, пристрелил подоспевший резидент...

Так вот, судя по хрусту, одному реконструктору Телепин проломил грудь. А другому череп, причём его же отнятой дубинкой. При этом Вадим ещё и прикрывал юного поэта, который в меру сил бился на нашей стороне.

Михаил Буранов

В ситуации было что-то неправильное. И я не сразу понял, что именно.

Мы их перемололи. Впрочем, справедливости ради, «мы» – это преувеличение. Мы-то с юным поэтом были на подхвате. Если угодно, обеспечивали тылы главных бойцов. А вот главные бойцы, Ходько с Телепиным, дрались, как дьяволы.

Они и одолели дьяволов.

Ладно, будем корректнее. Составляя устные и письменные доклады императору, я давно научился подбирать выражения. Возможно, эти валяющиеся на ресторанном полу искалеченные, слегка подёргивающиеся реконструкторы дьяволами не являлись. Но ещё менее они являлись людьми. Хотя бы потому, что раненный человек должен изойти кровью.

Здесь крови не было. Разбитые головы, сломанные руки, изуродованные лица... тут я, даже будучи дипломатом, ничего против не имел. За что боролись, на то и напоролись. Нарвались, – получили... Но крови не было. На полу «Красного Льва» агонизировали сущности, по хваткам и навыкам напоминающие людей. Сущности – вот, пожалуй, так.

Замеченное мной, разумеется, заметили и другие. Сформулировал Телепин. Задышавшись, еле шевеля распухшими губами, он вразбивку произнёс:

– Мы – собственно – кого – били?

– Скажи лучше, от кого отбивались? – поправил еле стоящий на ногах Ходько, поддерживая правую руку левой. Надетый к ужину хороший серый костюм был безнадежно изорван. Подозреваю, что и я выглядел не лучше. А вот наш юный друг поэт практически не пострадал – вовремя уворачивался. Ах, молодость, молодость... К тому же у айкидо есть свои преимущества даже по сравнению со стилем «русский бой».

Из-за уцелевшего стола поднялся и, слегка пошатываясь, приблизился почтенный лысый человек с остатками седых волос за ушами. От него убойно разлило виски.

– Баррет, биолог, – с трудом сообщил он.

– Академик, – почтительно прокомментировал льяновоусый союзник.

– Милости просим, – огрызнулся не остывший от побоища Ходько. – Чем можем?..

Коротышка остро и неожиданно трезво посмотрел на полковника.

– Лично вы ничем, – сказал он с ноткой нетерпения. – А вот взглянуть на ваши жертвы было бы очень интересно. С профессиональной точки зрения, так сказать.

– Да пожалуйста, – буркнул Вадим, переглянувшись со мной и Ходько.

Баррет быстро присел над ближайшим телом. Осторожно перевернул его на спину. Легко приложил пальцы к яремной вене. Бережным движением раскрыл зрачок.

– О чёрт! – совсем не академически вырвалось у биолога.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. Стремительная бледность Баррета совсем не понравилась.

– А хрен его знает... Сказать не готов. Сами посмотрите!

Я оттолкнулся от стены, к которой приник в изнеможении, и шагнул к биологу, застывшему у тела в чёрной куртке. Но шаг был прерван грубым возгласом:

– Всем оставаться на местах! Полиция графства Уилтшир, муниципалитет Эйвбери!

На пороге разгромленного ресторана возникла пятёрка форменно одетых насупленных людей с короткоствольными автоматами во главе с офицером. М-да... С такой полицией и преступников не надо. У нас, в России, полицейские выглядят как-то приличнее. Я имел в виду, разумеется, не тёмно-коричневые мундиры британских служителей правопорядка – уж во что одели, то и носят. Но вот физиономии у них... как бы это помягче... неприятные. Особенно у офицера: лицо топорное, с крупной челюстью и ледяным взглядом маленьких глубоко посаженных глаз. Однако хозяйка с радостным кудяхтаньем кинулась к нему.

– Добрый вечер, миссис Своллоу, – буркнул офицер, оглядывая пол, заваленный телами в чёрных куртках, и тут же поправился: – Хотя какой, к чёрту, добрый...

– Я председатель специальной межправительственной комиссии Буранов, – сказал я. – Прошу представиться.

– Лейтенант Вильямс, – сообщил офицер. – Я уведомлён о вашем прибытии... Что здесь происходит?

Мортон буквально взвился с пола, на котором трудно приходил в себя.

– И вы ещё спрашиваете? – рявкнул он, держась за пострадавшую челюсть. – Я Эдвард Мортон, начальник департамента МВД и сопредседатель спецкомиссии. Интересные дела у вас творятся в Эйвбери, лейтенант. Нас чуть не поубивали, вот что здесь происходит! Вы на своей территории вообще-то порядок поддерживаете? Или так, на службу за жалованьем ходите?

– Поддерживаем, – отрубил Вильямс. – Это приезжие. Наши на представителей ООГ не нападают. – Он холодно посмотрел на Мортон, и не было в этом взгляде ни малейшего пиетета к лондонскому начальству. – А насчёт «поубивали»... сдаётся мне, тут всё с точностью до наоборот. Боюсь, джентльмены, вы серьёзно превысили пределы необходимой самообороны. Этим людям срочно требуется медицинская помощь... Эй, Питерс!

Со словами «Да, сэр!» один из полицейских с готовностью шагнул вперёд.

– Грузите пострадавших в автобус, и быстро в больницу, – распорядился Вильямс.

– Есть, сэр!

Пятёрка полицейских, к которой присоединился водитель автобуса, принялась расторопно выносить реконструкторов из ресторана. Баррет беспомощно оглянулся на меня. Он так и не успел как следует проинспектировать пострадавших. Я, кстати, тоже. А надо было понять, что же так сильно, до мгновенной бледности, поразило учёного.

– Минуту, лейтенант, – сказал я. – Здесь присутствует известный биолог академик Баррет. Комиссия считает, что он должен хотя бы коротко осмотреть этих... нападавших. Немедленно!

Вильямс высоко задрал брови:

– Зачем? И что за спешка?

– Комиссия не обязана отчитываться перед вами, лейтенант, – бросил Ходько, меряя полицейского тяжёлым взглядом. Не понравился ему Вильямс, как бог свят, не понравился. – А вот вы наши указания исполнять обязаны. Полагаю, все необходимые инструкции на этот счёт от Скотланд-Ярда вы получили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.